

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег ТАРУГИН

КОМДИВ

Ключи от ворот Ленинграда

Олег Витальевич Таругин
Комдив. Ключи от
ворот Ленинграда
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Комбат», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014086
О. В. Таругин. Комдив. Ключи от ворот Ленинграда: ООО
«Издательство «Яуза»; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98562-3

Аннотация

Новый ураганный боевик от автора бестселлеров «Комбат» и «Комбриг»!

Третий раз отправляясь в далекое прошлое, слушатель Высшей Академии Сухопутных Войск Земной Федерации Сергей Кобрин точно знает, на что идет. Больше никакого «тумана войны» – полученный приказ прост и понятен: любой ценой не допустить блокады Ленинграда!

Его бойцам предстоит столкнуться не только с диверсантами из отряда «Бранденбург-800» и штурмовой кампфгруппой

полковника Рауса, но и с танками 4-й танковой армии генерал-полковника Гёпнера!

И не выполнить приказ русский офицер из будущего просто не имеет права – слишком многое поставлено на кон! Ведь недаром стратегический мост через Лугу и плацдарм у села Ивановского были названы «ключами от ворот Ленинграда», откуда открывалась прямая дорога к городу на Неве...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	32
Глава 3	52
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Олег Таругин

Комдив. Ключи от ворот Ленинграда

© Таругин О. В., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru). Спасибо большое, друзья!

Пролог

Лейтенант НКГБ Виктор Зыкин, конец августа 1941 года

...— так что отдохнуть, как видишь, не удастся, лейтенант, — завершив фразу, Лаврентий Павлович испытующе взглянул на Зыкина. — Сам ведь на фронт недавно просился? Впрочем, ты, полагаю, не против?

— Никак нет, товарищ народный комиссар! — вскинулся Виктор, все еще не привыкший к общению с руководством ТАКОГО уровня. — Какое там отдыхать?! Готов немедленно приступить к выполнению задания!

— Вот и хорошо, — усмехнулся самым краешком узких губ всесильный нарком, сверкнув стеклами неизменного пенсне. — Я так и думал. Отправляйся под Смоленск и аккуратно выясни подробности того, о чем я тебе только что рассказал. *Любые подробности*, даже самые, казалось бы, незначительные. Но самое главное — аккуратно, это ясно? Вполне возможно, простое совпадение. А вот если нет, то действуй согласно нашему плану. Но тоже крайне аккуратно. Документ у тебя имеется, серьезный документ. Но особенно на него не надейся и лишний раз не используй — порой такая бумага только во вред. Мы поняли друг друга?

— Так точно, товарищ народный комиссар!

– В случае получения интересующих меня сведений, так или иначе касающихся нашего *фигуранта*, рапортовать немедленно, я получу сообщение максимум в течение получаса. На этом все, свободен. Машина внизу, самолет ждет на Центральном. Если имеешь вопросы, задавай сейчас.

– Всего один, товарищ нарком. Вы говорили, что я буду работать с группой...

Берия легонько прихлопнул ладонью по столешнице. Улыбнулся:

– Разумеется, будешь. Когда людей подберешь и группу создашь. А пока сам. Я ответил?

– Так точно. Разрешите идти?

На сей раз наркомвнудел даже не стал ничего говорить, лишь кивнул и легонько махнул рукой: «свободен, мол». Протопав строевым шагом положенные метры до двери, Зыкин торопливо покинул высокий кабинет, расслабленно выдохнув лишь в гулком пустом коридоре. Уф, аж взмок весь! Все никак не привыкнет, что вот так запросто говорит с САМИМ! С одной стороны, уж в третий раз за эту сумасшедшую неделю его к Берии вызывают, а с другой – как тут привыкнешь? Кто он и кто Лаврентий Павлович? Ох, высоко-высоконько ты, Виктор Тимофеич, взлетел... как бы падать больно не оказалось.

Одернув гимнастерку и поправив портупею (пустая кобура немного раздражала, на фронте успел привыкнуть к оружию, но пистолет вернут только при выходе из здания), Зы-

кин надел фуражку и коротко дернул щекой: а вот хрен, прорвемся! Авось и не жахнемся об землю-матушку, что тот Икарушка из древней легенды. Степаныч, хоть и общались недолго, многое в нем изменил и многому научил. Так что справится. И задание выполнит. Которое, так уж выходит, как раз Степаныча и касается. Ну, в смысле, капитана Кобрина, Сергея Викторовича. Ха, кстати, смешно, но это за-павшее в память словечко «прорвемся» – как раз одно из тех, которые он подслушал у комбата! Все, прочь несвоевременные мысли – автомобиль ждет. Насчет всего остального после мозгами пораскинем, время у него в полете будет. А подумать после того, о чем ему товарищ Берия рассказал, есть о чем...

Под крыльями военно-транспортного «Дугласа» – нет, не того самого, что вез его в Москву, другого – промелькнули разрисованные деревьями и кустами бетонные плиты взлетно-посадочной полосы Ходынского аэродрома, стремительно унеслись назад бутафорские сельские хатки с не менее бутафорскими огородами и колодцами. Моторы изменили тональность, вытаскивая самолет на положенную высоту, загудели ровно, басовито. Все, порядок, взлетели. По сторонам пристроилась пара истребителей ИАП особого назначения, которые будут прикрывать самолет во время полета.

Отвернувшись от иллюминатора, за толстым выпуклым стеклом которого маячил остроносый краснозвездный фюзеляж, Зыкин хмыкнул: однако! С почетным эскортом летит,

словно представитель Ставки! С другой стороны, чему, собственно, удивляться? К его рассказу товарищ Берия отнесся со всем возможным вниманием, хоть поначалу вроде бы и не поверил. Даже угрожал, было такое дело, было. Но то поначалу, пока не изучил вдумчиво полтора десятка исписанных убористым зыкинским почерком писчих листов. А уж как прочитал...

На следующее утро невыспавшийся лейтенант снова предстал пред начальственнымн очн. И добрых три – если не больше – часа отвечал на всякие уточняющие вопросы, порой повторявшиеся по несколько раз в разных формулировках, а порой вовсе не имеющие к изложенному ни малейшего отношения. Вымотался – мама не горюй, словно еще раз пережил тот бесконечный день двадцать второго июня. Окажись под рукой медицинские напольные весы – ничуть бы не удивился, узнав, что пару килограммов сбросил, то ли с потом, то ли «от нервов»... А уж КОМУ товарищ народный комиссар его рассказ после передал – и подумать страшно! Нет, КОМУ – это-то как раз понятно, но именно потому и страшно. Товарищ Берия – недостижимая высота, а уж тот, кто НАД ним стоит... это и вовсе, как говорится, в голове не укладывается...

Ну а сегодня Лаврентий Павлович его снова к себе вызвал. Правда, особого страха Витька уже не испытывал – волнение скорее. Перегорел, видать. Или привык. Да и чего уж бояться? Коль в первые дни не арестовали, значит, поверили.

Иначе бы не в высокий кабинет вызвали, а совсем в другом направлении повели. Причем под конвоем и без ремня, что характерно. Так и оказалось: «рассказа о будущем», как про себя называл лейтенант откровения Минаева-Кобрина, наркомвнудел больше не касался. Сразу перейдя к делу. А дело оказалось в следующем: к принесенной Виктором информации *на самом верху* отнеслись более чем серьезно. Собственно говоря, вопрос «верить – не верить», насколько он понял из обтекаемых фраз наркома, на повестке дня и вовсе не стоял. Наверняка за эти дни личность бывшего начальника особотдела 239-го полка 27-й стрелковой дивизии Зыкина Виктора Тимофеевича, одна тысяча девятьсот семнадцатого года рождения, проверили по всем доступным каналам не дважды и, скорее всего, даже не трижды.

И потому сейчас основным вопросом было «как мы можем использовать это неожиданное знание?». Нет, в целом оно, конечно, понятно как. Всегда полезно знать планы противника, пусть и в общих чертах. Особенно те, которые оным противником пока даже не разработаны. Но информация требовала проверки. Витька и сам прекрасно понимал, что, несмотря на профессионально тренированную память, просто физически не мог запомнить ВСЕХ подробностей рассказанного «комбатом». Да и эмоции во время того рассказа поистине зашкаливали, туманя разум и мешая адекватному восприятию поистине ценнейших сведений. Ну, уж в этом-то его вины точно не имеется: попробуй-ка остаться с холодной,

как товарищ Дзержинский завещал, головой, когда в одночасье узнаешь ТАКОЕ и твой мир внезапно рушится, грозя погresti под обломками хрупкий человеческий разум! Война-то еще ладно – ведь победили же, пусть и гораздо позже, чем думалось, и заплатив за это чудовищными жертвами. А вот то, что дальше с Советским Союзом произошло...

Вот потому-то Лаврентий Павлович и решил, что к поступающей с фронта оперативной информации следует относиться с особым вниманием. Не ко всей в целом, понятное дело, для этого НКО да генштаб имеются, а к некоторым, скажем так, *аспектам*. Как он сам выразился во время их первой встречи: «если вдруг еще какой красный командир неожиданно станет воевать не так, как другие, а лучше или необычней», то это вполне может означать то, что в их времени снова появился «гость». И отыскать этого самого «гостя» будет проще тому, кто уже с ним встречался. То бишь ему, Зыкину. Поскольку больше-то и некому, так выходит.

Именно поэтому Виктор сейчас и летел под Смоленск.

Почему туда? Да хотя бы потому, что по принесенной им же самим информации город пришлось сдать противнику еще в конце июля. А он держался. И, судя по фронтовым сводкам, сумеет продержаться как минимум до начала осени. Нет, с одной стороны, виной тому могут быть действия того же Минаева-Кобрина, предотвратившего Белостокский котел и сорвавшего фашистские планы по замыканию Минского. О чем-то подобном Витьке еще сам Степаныч, пом-

нится, рассказывал. Касательно того, что история в результате их действий уже пошла по другой колее и дальше изменения будут только нарастать.

Или же причиной этого стали действия командира сто первой танковой дивизии полковника Михайлова Григория Михайловича, ухитрившегося окоротить немцев в тот момент, когда сдача Смоленска казалась практически неминуемой? Вернее, одного из его комбригов, некоего подполковника Сенина. Который в результате полученной в бою контузии – вот неожиданность, ага! – внезапно напрочь потерял память. Практически так же, как и приснопамятный комбат Минаев, который лег спать одним человеком, а проснулся – совсем другим. Но тоже не помнящим ровным счетом ничего из событий последних дней!

Совпадение? Да, возможно, именно совпадение: контузия – она такая штука, что угодно может случиться. А если нет? Если это именно тот, кого они ищут – Кобрин? Вполне себе вариант, который Зыкину и предстояло проверить. Потрепанную боями дивизию отвели в неглубокий тыл на пополнение и переформирование, так что момент более чем удачный. Тут главное, как и наставлял товарищ Берия, действовать предельно аккуратно. Не спугнуть. Не насторожить. Втереться в доверие и выпросить потихоньку, что да как. Правда, Сенин вместе со своим экипажем сейчас в госпитале, так что сначала необходимо поговорить с Михайловым, а уж потом заняться комбригом.

«Угу, вот именно что втереться в доверие! – самокритично фыркнул Зыкин про себя. – Можно подумать, Степаныч... ну, в смысле Кобрин, меня с первого взгляда не узнает! Это ж он, гм, в разных телах может находиться, а не я! А как узнает, так и начнет дурака валять, делая вид, что ни разу не знакомы. Если, конечно, сам не захочет с боевым товарищем общаться. Проблема, между прочим, об этом он как-то не подумал... Если Степан... тьфу ты, снова. А ладно, буду его и дальше Степанычем величать, поскольку привык. Так вот, ежели он в отказ пойдет, как тут докажешь, что он – это он? С другой стороны, если память потерял – значит, не он это, скорее всего. Ох, сложно все, прям голова кругом... впрочем, ладно, к чему из пустого в порожнее переливать? На месте разберемся, он – не он. Да и не такой Степаныч человек, чтобы от разговора отказываться, тут никакой ошибки быть не может – в людях Витька худо-бедно разбирается. Если в госпитале именно Минаев-Кобрин окажется, точно поговорить согласится, не станет от него прятаться да в глаза врать»...

Глава 1

Земля, далекое будущее

Подошел к концу очередной год обучения. Теоретические занятия, работа с архивными историческими документами в голотеке, практика, индивидуальная физподготовка (пару раз слушателей академии, дабы не теряли формы, даже поднимали по тревоге среди ночи, грузили, будто простых десантников, в суборбитальные транспортники и выбрасывали в безлюдных районах планеты с заданием добраться до точки сбора или выполнить то или иное задание), виртуальные тренажеры с эффектом полного погружения, изучение сводок с фронтов и отработка полученных вводных на тактическом планшете или тех же виртах... Рутина.

Ага, именно так: в некий момент слушатель третьего курса ВАСВ¹ Сергей Кобрин поймал себя на мысли, что все происходящее для него – не более чем рутина. По крайней мере, по сравнению с тем, что он пережил, пройдя два «Тренажера». Нет, он, разумеется, отлично осознавал, что боевые действия продолжаются, что на множестве планет Зем-

¹ ВАСВ – Высшая Академия сухопутных войск. Подробнее об этом и прошлых приключениях Кобринина можно узнать из двух первых книг серии «Комбат. Вырваться из «котла»!» и «Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе!», вышедших в издательстве «Яуза» в 2016 году.

ной Федерации гибнут люди, и мирные граждане и его боевые товарищи, многих из которых он знал лично. И к которым ему рано или поздно суждено вернуться – уже не в качестве бесшабашного командира штурмовой роты 42-го МПП, а полноценного полковника Генерального штаба сухопутных войск, в подчинении которого будет не сотня бойцов, а многие тысячи...

Но, как и в прошлый раз, Сергей все равно *хотел* поскорее оказаться там, на *другой* войне. Той, настоящей, с которой он, неожиданно для самого себя, сроднился раз и навсегда. Возможно, это и было неправильно – разумом он понимал, что «Тренажеры» в любом случае вскоре закончатся и ему придется навсегда остаться в своем времени. Как и то, что идущая в десятках световых лет от Земли война – ничуть не менее реальная, кровопролитная и страшная. Однако ничего не мог с собой поделать. С каждым разом он ощущал... нет, вовсе не желание просто вернуться в прошлое – скорее некую НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ своей миссии. Своего рода *недосказанность*, словно в интересной книге, внезапно оборванной автором на самом интересном месте. И неважно, что руководство называло это просто *тренировками*, пусть и связанными с нешуточным риском для испытуемого. Сам он давно так не считал, всей душой ощущая, что это нечто гораздо, гораздо большее. Да и помянутое руководство, скорее всего, тоже, хоть прямо об этом и не говорило...

Впрочем, делиться с кем-либо своими мыслями капитан

уж точно не собирался – еще чего не хватало. Только лишние проблемы. Грозящие как минимум временным отстранением от дальнейшего обучения и внутренним расследованием в духе «а что вы, собственно, имели в виду?», а то и чем похуже. Так что кое-что лучше держать при себе. Поскольку чревато, знаете ли.

А вот сны, что тревожили в прошлом году, больше Сергею отчего-то не снились. Ни погибший прадед, ни пройденные летом сорок первого бои, ни Витька Зыкин... впрочем, нет, один раз все-таки было. Буквально с месяц тому Кобрину снова привиделся особист. Ни раненым, ни обиженным Виктор на сей раз не выглядел: сидел себе в новенькой, с иголки, форме в каком-то кабинете и разговаривал аж с самым наркомом внутренних дел Берией. То-то ему кабинет знакомым показался – видел на каком-то голофото и автоматически запомнил.

Судя по петлицам, Зыкина повысили до лейтенанта госбезопасности. Как это зачастую и бывает во сне, особого удивления Кобрин не ощутил: ну Берия, подумаешь? А что повысили – так правильно, давно пора, заслужил. Остается только порадоваться за боевого товарища. После того, О ЧЕМ он Витьке на той лесной поляне рассказал, глупо думать, что парнем не *заинтересуются* на самом верху. Да и не такой Зыкин человек, чтобы не попытаться при первой же возможности передать полученную от «комбата Минаева» информацию своему начальству. Риск, конечно, огромный: не зря

ведь он ему ненавязчиво намекал, что языком направо-налево молот себе дороже выйдет. В лучшем случае отделаешься обвинением в пораженческих мыслях, а то и под трибунал угодишь. Но и Витька тоже отнюдь не простак: упертый и умный.

Судя по содержанию сна, достучаться до самых верхов ему вполне удалось. Ухитрился-таки аж до самого Лаврентия Палыча добраться, молодец! Даже интересно, каким именно образом? А если тот ему еще и поверил, то и вообще хорошо выйдет. Верил ли он сам в реальность приснившегося? Разумеется, верил, как же иначе! Ага, именно так: еще в прошлом году Кобрин утвердился в мысли, что его сновидения – отнюдь не просто сны, а нечто гораздо большее. Вон с тем же прадедом как все вышло?

А Зыкин меж тем, словно ощутив направленный на него взгляд, внезапно повернул голову:

– Ну, здравствуй, значит, Степаныч! Жив-здоров, как я погляжу? Хотя какой ты, на фиг, Степаныч? Эх, упустил я тебя, пока в госпитале валялся, а так повидаться хотелось. Без меня повоевал, а еще друг называется! Ну да ничего, теперь, глядишь, скоро свидимся. Я тебя, *Сергей Викторович*, все равно отыщу, так и знай! Товарищи помогут.

Коротко подмигнув, хитро усмехнулся:

– Верно тебе говорю, свидимся еще! От меня не скроешься, сколь не бегай! А сейчас не мешай, сам видишь, с кем разговариваю. Извиняй, не до тебя мне...

И отвернулся, будто внезапно потеряв к нему всякий интерес.

Кобрин же на следующий день отправил в объединенный банк данных архива Минобороны очередной запрос, на сей раз касавшийся не прадеда, а лейтенанта ГБ Зыкина Виктора Тимофеевича. Проглядев не слишком длинный, но достаточно впечатляющий послужной список, зацепился взглядом за последний абзац:

«23.05.1944 года руководитель группы «А» НКГБ СССР майор Зыкин В. Т. пал смертью храбрых при выполнении специального задания командования. За проявленный героизм и личную храбрость награжден орденом Красного Знамени (посмертно)».

Кобрин задумчиво хмыкнул: однако молодец Витька, аж до майора ГБ дослужился! Жаль, что погиб. Ну да ничего, это исправимо. Судьбу прадеда он уже дважды изменил, так уж выходит. Хоть пока с одним и тем же результатом. Глядишь, и Зыкину поможет. Гм, а что это, собственно говоря, за «группа «А» такая, руководителем которой Витька заделался? Любопытно, даже очень. Память ничего подходящего не подсказывает, вспоминается только легендарный спецназ КГБ-ФСБ двадцатого – двадцать первого веков, но это явно не то. Впрочем, какие проблемы? Сейчас выясним...

Пришедший ответ откровенно удивил: *«информация по данному запросу отсутствует, утеряна или ваш уровень доступа не позволяет ее получить».*

Вот так ничего себе, это еще что такое?! С каких пор слушатель ВАСВ не может получить архивных данных более чем двухвековой давности? Все грифы секретности давным-давно сняты. Да и о какой секретности можно говорить спустя столько времени? Двести с лишним лет прошло. Глупости. Возможно, информация и на самом деле просто утеряна во время распада Советского Союза или позже, при переводе древних документов в электронный вид еще два столетия назад? Или какая-то ошибка базы?

Поработав с терминалом еще несколько минут (и ровным счетом ничего не добившись), Сергей пожал плечами и отключился. Глухо как в танке. Как ни переформулировал запросы, ответ оставался прежним: «информация отсутствует, утеряна или ваш уровень доступа не позволяет...». Ну, нет – так нет. Можно, конечно, попытаться выяснить относительно доступа у Шкенева или Роднина... но стоит ли? Ведь тогда придется объяснять, с какой он, собственно, целью интересуется. В прошлые разы только про предка пытался выяснить, а сейчас вдруг osobistom ни с того ни с сего заинтересовался. Определенно не вариант, только лишние подозрения вызовет. Ладно, после разберется, сейчас у него куда более важные проблемы имеются – учебный год на исходе, нужно начинать готовиться к третьему по счету «Тренажеру»...

Внезапный вызов к начальнику академии генерал-лейтенанту Роднину Сергей воспринял абсолютно спокойно. Да и с чего бы волноваться? До начала очередной тренировки оставалось еще три дня, так что причина определенно в чем-то другом. Собственно говоря, он пока даже официального допуска к прохождению «Тренажера» не получил, как раз завтра обещали сделать в личном деле соответствующую отметку. Формальность, в принципе: год он закончил одним из лучших на курсе, отличник «боевой и политической», как в далеком прошлом говорилось. Между прочим, в первой десятке среди слушателей всех пяти курсов! Физическое здоровье в норме, пси-контроль прошел без проблем, буквально вчера посетив приснопамятного психолога-контрразведчика, за глаза называемого слушателями «вечным майором». Серьезных нареканий за время обучения не имел – да и откуда им взяться? Самоволки и прочие глупости остались в далеком прошлом, когда плечи юного Сереги Кобрин украшали однотонные погоны с сиротливой литерой «К» общевойскового училища. А неизбежные мелкие замечания так и остались в «зеленой» зоне электронного личного дела, не затронув ни «желтой», ни тем более «красной»...

Получив разрешение войти, капитан переступил порог знакомого кабинета. За спиной, как уже не раз бывало, плава-

но сомкнулись створки дверей. Трижды мигнул и загорелся ровным зеленым светом настенный индикатор активированного защитного контура, надежно закрыв помещение от прослушивания.

«И это вот – тоже рутина... – автоматически подумал Сергей, мысленно усмехнувшись неожиданной мысли. – Все, как всегда. Что, к слову, не может не радовать».

– Слушатель Кобрин прибыл по вашему приказанию...

– Отставить, – коротко махнул рукой Роднин. – Присаживайся, вон, в свое любимое кресло, я его специально поближе пододвинул.

– Есть. – Не найдя, что и сказать, капитан послушно занял предложенное место. Как раз то самое, где предпочитал сидеть во время прошлых посещений генеральского кабинета. «С ума сдуреть», как любил выражаться его мехвод Витька Цыганков. Ну не совсем его, а скорее подполковника Сенина, ну да не суть важно. Вот товарищ генерал-лейтенант дает! Получается, не только заметил, но еще и дал понять, что ничего не имеет против? С другой стороны, чему удивляться? Традиции – они такие традиции, угу. Армия же...

Несколько долгих секунд Иван Федорович молча буравил подчиненного тяжелым взглядом, затем негромко произнес:

– Готов, Сережа?

– Так точно, готов.

– Это хорошо, – кивнул генерал-лейтенант. – В этот раз все будет немного иначе. Никакого «тумана войны», ника-

ких неожиданностей. Вот, держи, – по столешнице скользнула овальная «слива» кристаллического накопителя. – Здесь вся информация по твоему будущему заданию. Личность реципиента, временная привязка, имеющиеся в наличии силы и средства, ситуация на фронте, подробные карты ТВД и прилегающих местностей и все такое прочее. Удивлен?

– Есть немного... то есть, виноват, так точно, удивлен. Раньше такого не было. Разрешите вопрос?

– Хочешь узнать, почему так? – не дослушав, перебил генерал-лейтенант. – Что ж, отвечу, никакого секрета тут нет. Первые два «Тренажера» должны были проверить вас в экстремальной обстановке, когда нет времени на раздумье и действовать приходится в условиях жесточайшего цейтнота. Показать, на что вы на самом деле способны, заставить максимально мобилизоваться, раскрыть внутренние резервы. В первый раз у тебя было всего несколько часов на принятие решения и начало действий, во второй – немногим больше. Кроме того, вы не знали, какими именно войсками придется командовать – пехотой, танками, артиллерией. С обоими заданиями ты справился. Но сейчас – совсем иное дело. Ход исторических событий в результате ваших воздействий изменился, пока еще не радикально, но в достаточной степени. Ваше послезнание уже не абсолютно, по крайней мере в тот период, куда ты отправишься послезавтра. Собственно, с чем-то подобным ты уже столкнулся в прошлый раз, под Смоленском. Кстати, обрати внимание на даты – когда нач-

нешь работать с документами, поймешь, что я имею в виду. Поэтому сейчас тебе дается определенная форa. Пока все понятно?

– Так точно, – по-уставному четко ответил капитан, боясь пропустить что-то важное.

– Добро. Времени на ознакомление с информацией у тебя более чем достаточно. Только не надейся, что это тебе как-то особенно поможет – там, в прошлом, все равно придется полагаться исключительно на самого себя, – Роднин внезапно ухмыльнулся. – Впрочем, тебе не привыкать. Мозги у тебя правильно заточены и работают тоже нормально. Уверен, что справишься. Вопросы?

– Цель задания?

Прежде чем ответить, генерал-лейтенант снова помолчал. А затем, бросив на Кобрину испытующий взгляд, сообщил:

– А задание у тебя, товарищ капитан, простое, проще некуда. Но при этом крайне важное: всеми имеющимися в распоряжении силами и средствами предотвратить блокаду города Ленинграда. Не дать замкнуть кольцо окружения и удержать позиции до подхода подкрепления. Предвосхищая твой вопрос, отвечу: подкрепление будет, я ведь уже сказал, что ход исторических событий, пусть и ненамного, но изменился. Вот так-то, Сережа. Не больше, но и не меньше...

Несколько минут Кобрин сосредоточенно молчал, переваривая услышанное. Однако ничего себе! Подобного он, если честно, не ожидал. Блокада города на Неве, как ни крути,

одно из главных событий той войны, своего рода краеугольный камень. И дело даже не в группе армий «Север» вместе с финнами и, мать их, испанскими добровольцами, которую нашим не удалось окончательно вышибить аж до января сорок четвертого года, — дело в людях. В чудовищных жертвах среди мирного населения, которыми пришлось заплатить за удержание города; за те самые 872 блокадных дня. И теперь, так уж получается, ответственность за всех них на нем?! Пусть и косвенно, конечно, но на нем?! За миллион пока еще не погибших от бомбежек, голода, болезней, холода и ран. Детей, женщин, стариков. Вот уж точно «с ума сдуреть», иначе и не скажешь...

Нет, ответственности он уже давно не боится — привык. Можно подумать, в бытность командиром штурмроты он от ответственности по тылам прятался! Или перед рассветом 22 июня ответственность была меньше. Или в августе под Смоленском — не в том суть. Просто *тогда* он отвечал исключительно за себя и своих бойцов. Которые, как ни крути, являлись людьми военными, суть — подчиненными вышестоящему командованию. И которым ПОЛОЖЕНО за Родину погибать, коль такой приказ получают и выхода иного не будет. Сейчас же... сейчас все не так. Все другое. И ответственность тоже другая. Больше. Во стократ больше. И настолько же страшней...

— Боишься? — неожиданно негромко спросил Роднин, все это время внимательно наблюдавший за его лицом. — И пра-

вильно делаешь, что боишься, Сережа. Очень правильно. Если б не боялся, а сидел с лицом тупого солдафона, я бы тебя отстранил. Своей личной властью, имею право, сам знаешь. Но твое лицо мне все сказало. Да я в тебе, в общем-то, и не сомневаюсь. Ты готов. Одно могу сказать – это исключительно твое задание, остальные слушатели пойдут на другие направления. Под Ленинград – только ты. Слишком велика ставка. Не справишься ты – не справится никто.

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант... – пробормотал Кобрин, просто чтобы не молчать.

– Спасибо за что? – пожал плечами начальник академии. – Пока не за что. Наоборот, Сережа, это я тебе спасибо скажу, если задание выполнишь. Но выложиться придется на все сто, сразу говорю. Ну и чего вскинулся, товарищ капитан? Знаю, что и в прошлые разы на пределе работал, себя не жалея. Знаю. Видел. Но сейчас немного другой случай. Хочешь узнать почему? Потому что прогнозируемый процент успеха твоего задания низок, как никогда, вот почему...

Генерал-лейтенант усмехнулся:

– Знаешь, наши многомудрые всезнайки-психологи не велют вас шибко хвалить. Практически вообще хвалить не советуют. Мол, этим мы завышаем вашу самооценку, одновременно снижая уровень критического отношения к своим поступкам, расслабляем, заставляя подсознательно утвердиться в мысли о собственной незаменимости, еще чего-то там. Короче, много чего говорят. – Иван Федорович презритель-

но дернул щекой. – Только чушь все это, так мне думается. Если человек – воин, то он воин всегда и в любой ситуации, какими медными трубами его ни испытывай. А слова? Ну, так слова – они слова и есть. Пустое сотрясение воздуха. Нет, доброе слово, как наши предки говорили, оно и кошке приятно. Вот только если боевого офицера пустыми словесами можно из седла выбить – так какой он тогда, на хрен, боевой офицер? Ну, это мое личное мнение, конечно... Гм, ладно, капитан, заговорились мы что-то. Если вопросов не имеется, свободен.

– Никак нет, вопросов не имею. Разрешите идти?

– Разрешаю... хотя нет, постой. Ты интересовался судьбой своего товарища? Ну, того контрразведчика, с которым из окружения выходил, а затем обратно в прошлое из беды выручать рванул? Как бишь его, Виктор Зыкин, верно?

– Так точно, интересовался.

– В ответе из архива ничего не смутило?

– Смутило. – Никакого смысла скрывать недавние сомнения не было. Главное, сам не полез выяснять – как чувствовал, что не стоит этого делать. А так? Начальство само вопрос задало, значит, с него взятки гладки, как те же помянутые генералом предки говорили. – То ли информация утеряна, то ли отсутствует, то ли у меня отчего-то нет соответствующего доступа. Хоть и глупость, через столько-то лет. Какие там могут оставаться секреты?

– Не глупость, Сережа. Ты ведь про группу «А», которой

твой знакомец руководил, узнать пытался?

– Так точно.

– Узнаешь. Обещаю. Только немного позже, не время сейчас. Ты уж извини, но твой уровень доступа по некоторым запросам и на самом деле ограничен. Временно, разумеется. Не только твой, собственно, но и всех остальных слушателей. Так нужно. Надеюсь, не станешь интересоваться почему? Понимаешь ведь, что все равно не отвечу.

– Не стану, – кивнул Кобрин. – Раз нужно.

– Добро. Свободен. Иди, готовься, больно уж дело тебе предстоит непростое...

* * *

Вернувшись к себе, Кобрин несколько минут в задумчивости сидел на койке, бесцельно катая ладонью по столу инфокристалл. Никакой опасности в этом не было: разрушить хрупкую с виду вещь весьма сложно, хоть об пол бей, хоть из окна на пластобетон плаца со всей дури швыряй. Зато, если трижды неверный пароль введешь – беда. Напрочь компьютерный терминал спалит. А за пару миллисекунд до самоликвидации еще и передаст, куда следует, сигнал тревоги. Мол, попытка несанкционированного доступа тем-то и там-то, высылайте группу. Хотя, возможно, ничего особенно страшного и не произойдет – «слива» помечена зеленой полоской, означающей низший уровень защиты. «ДСП», ина-

че говоря. Вот была бы желтая («секретно») или, тем паче, красная («совершенно секретно») – тогда да. Но проверять как-то не хочется.

Ладно, не к чему затягивать. Тяжело вздохнув, Сергей утопил кристалл в гнездо приемника и активировал терминал. Привычно набрал личный пароль. На развернувшемся голоэкране мигнул логотип академии – стилизованная красная звезда с Георгиевской лентой по сторонам и аббревиатурой ВАСВ поверху, и появились строки меню. Секунду поколебавшись, капитан выбрал текстовый вариант подачи информации – пока просто почитает. Перед переносом ему все равно загрузят информационные пакеты с соответствующими сведениями, да и после *ассоциации* с сознанием реципиента память последнего окажется в полном его распоряжении. Пока же стоит ознакомиться с информацией в целом, так сказать.

Развернув первый ознакомительный блок, Сергей собрался было начать работу с данными, но неожиданно вспомнил совет Роднина обратить внимание на даты. Мол, поймешь, о чем речь. Интересно, что имел в виду генерал-лейтенант? Сам ведь сказал, что ему предстоит отправиться под Ленинград, значит, в любом случае или середина июля, или начало августа, выбор невелик. Ну, плюс-минус пару недель с учетом внесенных в ход исторических событий (или, как с умным видом любили говорить некоторые слушатели, «главной исторической последовательности») изменений – вон тот же

Смоленск на момент прохождения прошлого «Тренажера» все еще держался. Группу армий «Центр» более-менее удалось притормозить – возможно, что и фон Лееб тоже на месте забуксовал. Хотя нет, июль все-таки, вряд ли. Поскольку тогда получится, что он перенесется в прошлое ДО того, как побывал там год назад. Возможно ли такое? Гм, да кто ж его знает, вполне может оказаться, что да. Ведь попавший под Смоленск Кобрин-комбриг все равно никак не узнает, что за несколько недель до того под Ленинградом побывал Кобрин-комдив!

В следующий миг Сергей задумчиво хмыкнул. Похоже, глупость сказал... в смысле подумал. Если б он побывал под Ленинградом *в июле* и выполнил задание, то Сенин бы в любом случае об этом знал. Получается, или он задание не выполнил, или июль для него закрыт. Хотя тут тоже возможны разные варианты: мог и не знать. Ведь блокада Ленинграда только в сентябре началась, а до того шли ожесточенные бои. И даже если ему удалось переломить ситуацию, комбриг мог и не придать этому большого значения. Информация в тот период подавалась весьма дозированно и расплывчато, секретилось все, что можно – «в Н-ском районе значительных успехов добилась Н-ская дивизия Красной Армии, освободив от немецко-фашистских захватчиков город Н-ск», – так что слышать о некой серьезной победе на Северном фронте Сенин, конечно, должен был, но точной локализации мог и не знать.

Понятно, что армейцы сведения с фронтов не от Совинформбюро получали, но не стоит забывать, что 101-я ТД под Смоленск перебрасывалась спешно, прибыв буквально накануне начала контрудара. Так что, как ни крути, Сенину было просто не до того, чтобы вдумчиво интересоваться положением на других фронтах. Помнится, и ассоциация с реципиентом у него прошла как никогда легко именно оттого, что комбриг чудовищно вымотался после нескольких дней в дороге, ночной выгрузки из эшелона и марш-броска в район сосредоточения. Где уж тут новостями интересоваться...

С другой стороны, сам-то он ведь должен был об этом знать? Определенно должен... если только ему перед прохождением прошлого «Тренажера» негласно не ограничили доступ к исторической информации. Еще год назад он бы в подобное просто не поверил – зачем? Глупости какие... А сейчас, после того что узнал от Роднина? Пожалуй, подобный вариант вполне возможен... Блин, просто голова кругом! Все, довольно гадать – вот прямо сейчас все и узнает. Разберется, что имел в виду товарищ генерал относительно дат, и поймет...

Выбрав и раскрыв нужный файл, Кобрин вчитался в касающиеся временной привязки строчки. Вчитался – и, не сдержавшись, задумчиво присвистнул. Двенадцатое августа сорок первого года! Вот оно что... Никакой не июль, как выяснилось, а все-таки август. Буквально на несколько дней с самым с собой разминется – в прошлый-то раз он в восьмое

число перенесся! Любопытно...

Хм, вот, кстати, и новая «задачка для ума»: а возможна ли вообще одновременная ассоциация сразу с двумя реципиентами? Когда им рассказывали о процедуре переноса, ни о чем подобном и речи не шло. Собственно говоря, просто ни у кого мысли не возникало спрашивать. Нет, глупость, никак такого быть не может. Поскольку откровенной шизофренией пахнет, суть расщеплением личности. По возвращении можно и в спецгоспиталь отправиться, в психиатрическое отделение. Откуда уже никогда не выйти. Точнее, выйти, но после коррекции памяти... и сразу в отставку по инвалидности. Брр, от такой перспективы аж мурашки по коже... на фиг, на фиг! Мы уж как-нибудь по старинке: сначала в восьмое августа, а через годик – в двенадцатое.

Глава 2

Земля, далекое будущее

Разобравшись с датировкой предстоящих событий, Кобрин продолжил изучение информации. Итак, через несколько дней под его командованием окажется сто девяносто первая стрелковая дивизия – вполне предсказуемо, коль сражаться предстоит на Лужском рубеже. Сформирована в ЛВО в начале весны сорок первого, к 22 июня дислоцировалась в районе Кингисепп – Нарва – Сланцы. В начале июля вместе со 177-й СД входит в состав Лужской оперативной группы, развернута вдоль восточного берега Нарвы фронтом на запад. В середине месяца снята с позиций с приказом срочно занять Кингисеппский участок Лужского укрепрайона и остановить наступающие с южного направления части 6-й танковой дивизии, дождавшись подхода к реке Луга 2-й дивизии народного ополчения. Но дивизия, увы, просто не успевает выполнить приказ. В результате гитлеровская боевая группа «Раус» при помощи диверсантов полка особого назначения «Бранденбург-800» с ходу захватывают в районе крохотной деревушки Поречье неповрежденный мост и занимают стратегический плацдарм, полностью контролируя дорогу Поречье – Ивановское – Большой Сабск. К моменту подхода ополченцев немцы успевают закрепиться, дождав-

шись прибытия основных сил, и выбить их уже не удастся даже при помощи спешно подошедшего сводного танкового полка. После недельных кровопролитных боев с переменным успехом и значительными потерями с обеих сторон советские войска переходят к обороне, и фронт на некоторое время стабилизируется.

Сергей потянулся к виртуальному экрану, собираясь «перелистнуть» страницу – все это он и так знает, да и к чему устаревшая почти на месяц информация? Он-то ведь в август отправится, а не в июль. А в конце лета и осенью дивизии придется совсем не просто. Тяжелые бои с 291-й пехотной дивизией Вермахта, отступление в направлении на Петергоф. Контрудар – и снова отход, теперь аж до Ораниенбаума. Небольшая передышка – и новое наступление. И через несколько дней еще одно, снова не слишком удачное. Эвакуация судами Балтфлота в Ленинград. Переброска на восточный берег Ладоги, ноябрьский контрудар на Будогощь – Грузино, отход с большими потерями на восток...

Впрочем, все эти подробности уже не важны: если он успешно выполнит свое задание, ход событий неминуемо изменится и все это станет не более чем историей. Помнить о которой будут лишь далекие потомки... или не будут? Вот и снова тот самый вопрос, не дающий покоя со времен прохождения первого «Тренажера»: куда именно он попадает? В один и тот же мир, где изменения линейны, или все-таки в разные? Так вроде бы уже убедился, что мир тот же самый?

Или нет и он все-таки ошибается? Поскольку ни одного *реального* доказательства Сергей так и не получил – даже спасение прадеда, по большому счету, ровным счетом ничего не меняет. Если допустить существование параллельных реальностей, то можно предположить вообще все, что угодно. любой вариант развития событий в любом из бесчисленного количества миров. Хотя как в подобном случае быть с информацией из архива МО? Которая пусть косвенно, но подтверждает, что судьба предка изменилась именно благодаря появлению в прошлом его далекого потомка? Или снова отцы-командиры наложили какие-то ограничения, о которых он ни сном ни духом? Блин, а ведь зарекался не углубляться настолько! Так, все, стоп! На данный момент имеются куда более актуальные вопросы...

Раздраженно дернув щекой, Сергей коснулся соответствующей пиктограммы. Голограмма мигнула, однако следующая страница не открылась. Зато появилась мигающая надпись: *«ознакомиться с реальным положением на Северном фронте на 12.08.1941»*. Хм, любопытно. Это еще что? Определенно, нечто новенькое – раньше ничего подобного не бывало. Небольшая подсказка от руководителей «Тренажера»?

Раскрыв страницу, Кобрин с искренним интересом изучил новую информацию. Проглядел, меняя увеличение, виртуальные карты, читая выпадающие сноски с номерами дивизий, бригад и полков, своих и противника. Ага, так вот оно что! Тот ли самый этот мир или другой, но результат вне-

сенных с начала войны изменений налицо: события на Лужском рубеже УЖЕ пошли несколько иначе. Вернее, сместились почти на полный месяц – с июля на август. Причиной чему оказался несостоявшийся Белостокский и, главным образом, Минский котлы: еще в начале июля Ставка перебросила под Ленинград часть спасенных в Белоруссии войск. Не слишком много, но вполне достаточно для того, чтобы фон Лееб с Гёпнером притормозили наступление, тратя на продвижение вперед гораздо больше времени и сил. Проще говоря, сейчас, 12 августа 1941 года, фронт все еще оставался приблизительно на тех рубежах, где в прошлой реальности был в середине июля. Уже неплохо... да что там неплохо: отлично! Поскольку имелся более чем серьезный шанс всерьез переломить ход событий – как минимум предотвратить захват стратегического моста через Лугу и не позволить гитлеровцам с ходу закрепиться на плацдарме. А как максимум? Ну, тут еще нужно крепко подумать. Очень крепко. Гм, не потому ли ему даны эти самые три дня? Точнее, уже два с половиной...

Нет, Panzergruppe 4 генерал-полковника Эриха Гёпнера – весьма серьезная силища, никто не спорит. Может и продавить рубеж обороны, как случилось в прошлый раз, но шансы устоять достаточно велики. Особенно если все-таки не допустить захвата полковником Раусом моста и плацдарма у села Ивановское. Тем более в распоряжении Кобринна имеется 2-я дивизия народного ополчения (как, впрочем, и в про-

шлый раз). Но с той разницей, что ТОГДА ополченцев бросили в бой прямо с марша, что не могло не сказаться на эффективности. Сейчас же все иначе. Развертывание прошло штатно, люди отдохнули, получили боеприпасы и были готовы к бою. А вот никаких данных о бойцах ЛПУ² имени Кирова, практически в полном составе переброшенных под Кингисепп и участвовавших в боях на Лужском рубеже – а это почти две тысячи человек! – отчего-то нет. Решили поберечь будущих командиров? Или что-то иное, ему неизвестное?

Плюс полнокровная танковая бригада. Не сводный танковый полк ЛКБТКУКС³, сражавшийся в реальной истории на этом рубеже и понесший значительные потери во фронтальных атаках, а именно что ТБР. Кстати, интересно, почему про него тоже нет никакой информации? В этой реальности его не формировали? Или просто время для его создания с точки зрения командования Лужской оперативной группой еще не пришло? Или вовсе не придет? Так оно, скорее всего, и к лучшему: создание полка было сущей импровизацией, вызванной критической ситуацией на фронте. Опытнейшие инструкторы в звании от майоров до полковников шли

² Ленинградское пехотное училище им. С. М. Кирова.

³ ЛКБТКУКС – Ленинградские Краснознаменные бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. В июле 1941 года добровольцы и преподаватели курсов сформировали сводный танковый полк и были отправлены на фронт, в район Кингисеппа. Несмотря на значительные потери, выбить гитлеровцев с плацдарма в районе д. Ивановское танкистам так и не удалось.

в бой простыми ротными, взяв под командование учебные машины, нашедшиеся в парках курсов, порой изношенные и с выработанным под ноль моторесурсом. Равно как и все, что удалось срочно собрать на ремонтных и танкостроительных заводах. Полный разнобой: от БТ разных серий до КВ и тридцатьчетверок. Специалистам подобного уровня не место на передовой, в тылу они принесут для будущей победы гораздо больше пользы – стране нужны подготовленные грамотные командиры-танкисты...

И совсем иное дело – настоящая танковая бригада. Укомплектованная не только легкими БТ и «двадцать шестыми», часть из которых оказалась еще и экранированными, производства завода № 174, в этой реальности пока не эвакуированного, но и пришедшими с Кировского завода новенькими КВ. И, что радовало особо, средними танками. Несколькими отремонтированными Т-28 разных серий (можно использовать в обороне в качестве противопехотных их короткоствольные КТ-28 и Л-10 – самое то, а вот с танками бороться уже сложнее) и, главное, ротой тридцатьчетверок. Насколько понимал Сергей – как раз из числа выведенных из окружения под Минском частей. Кроме того, имелось и небольшое количество столь редких танков, как Т-50 того же «сто семьдесят четвертого». Насколько помнил Кобрин, этот танк, хоть и пошедший в серию, но массово не производившийся, применялся исключительно под Ленинградом. Подобное разнообразие моделей с точки зрения ремонтпри-

годности и взаимозаменяемости по боеприпасам, конечно, не слишком хорошо, но уж что есть, то есть. Зато найдется, чем воевать. Да и часть экипажей, скорее всего, обстрелянные, успевшие столкнуться с немцами в реальном бою.

Что же до вариантов действий, то их у него не столь и много, всего три. Первое, наиболее напрашивающееся – вовсе не допустить форсирования гитлеровцами Луги и захвата плацдарма. Идеальный вариант во всех смыслах. Если, конечно, успеть вовремя выйти в нужный квадрат, сосредоточиться, подготовить оборонительные позиции – и все такое прочее. *В прошлый раз* 191-й СД именно это и не удалось. Просто не хватило времени, плюс ополченцы подошли слишком поздно, позволив фрицам закрепиться. Сейчас проще, но, опять же, вопрос времени остается открытым, поскольку никакой информации о точном месте дислокации дивизии на 12 августа у Кобрина пока не имелось. То ли данные отсутствуют, то ли так задумано руководством – в конце концов, он и так получил определенную фору, а раскрывать все карты определенно не в привычке генерал-лейтенанта Роднина...

Второе, плавно проистекающее из первого: если дивизия снова опаздывает, не успевая воспрепятствовать форсированию реки передовыми частями шестой танковой, можно провести встречный контр-удар, имея целью выбить не успевшего всерьез закрепиться противника обратно за Лугу. Главное, собственно говоря, именно не дать Kampfgruppe Raus времени зарыться в землю и выстроить оборону. Из минусов

– значительно бóльшие потери, поскольку просто так немцы не отступят, будут пытаться удерживать позиции до последнего, в свою очередь тоже не считаясь ни с какими потерями. Уж больно многое стоит на кону: недаром бои в районе Ивановского называли боями за «ворота Ленинграда», а сам этот плацдарм – «ключами» к этим воротам. В случае успеха – впереди прямая дорога к Северной Пальмире и отсутствие серьезных водных преград наподобие Луги. Ведь о том, что один раз это все равно им не помогло, фашистские командиры не знают и знать не могут.

Ну и, наконец, третий вариант развития событий. Самый, скажем так, неоднозначный. С первого взгляда – наиболее пессимистичный, поскольку на первом этапе достаточно сильно повторяющий реальные события. В тактическом, так сказать, плане. Зато стратегически, учитывая долгосрочную перспективу? Тут возможны варианты. Итак, дивизия снова опаздывает, фрицы переправляются через Лугу и занимают позиции, готовясь к обороне. Зарываются в землю и плотно контролируют переправу и дамбу на крохотной речке Городенка, что означает своевременный подвоз боеприпасов, горючего, эвакуацию раненых и прочую логистику. Что делает Кобрин? Прежде всего не спешит, хоть командование фронта наверняка станет бомбардировать штаб гневными радиogramмами в духе «почему остановился?», «немедленно отбросить противника обратно за реку!», «струсил, под трибунал захотел?» – и так далее.

Но помянутый комдив, сжав зубы и вяло отбредываясь, формирует ударные группировки, подтягивает тылы и решительным ударом срезает плацдарм сходящимися фланговыми ударами, подсекая основание немецкого клина вдоль берега Луги. Полноценного котла не получится – масштаб не тот, и местность не слишком подходящая, но в окружение фрицы точно попадут – главное, мост вовремя уничтожить. Рискованно? Угу, еще как рискованно! Чуть ли не рискованнее, чем было в реальности. Да и потери окажутся немалыми, наверняка куда большими, нежели при реализации второго варианта. Зато есть неслабый шанс всерьез потрепать ударную группировку 4-й ТГ, в результате чего фон Лееб не скоро решится предпринять нечто стратегически серьезное в направлении Питера. Ну, в смысле, Ленинграда. А это уже реальная возможность не отсрочить, а именно *предотвратить* блокаду города на Неве! Перспективно? Весьма. Тем более сегодня Роднин прямо сказал, что подкрепление подойдет и будет кому подпереть их с тыла.

Вот только...

Кобрин раскрыл подробнейшую объемную голокарту района и почти десять минут вдумчиво изучал будущий ТВД, меняя масштаб, разрешение и проекцию, благо технологии будущего подобное вполне позволяли. При желании можно даже включить режим полного присутствия (разумеется, смоделированный компьютером), словно рассматривая местность с помощью камеры высокого разрешения разве-

дывательного беспилотника, летящего на предельно малой высоте. Откинувшись в кресле, тяжело вздохнул: вот и ложка дегтя. Здоровенная такая ложища, при желании не то что бочку – цистерну меда испортит. Похоже, третий вариант – тоже ни разу не вариант, прошу прощения за тавтологию. Если кратко, то от переправы через Лугу на добрых десять километров на север идет болотистый лес. Очень такой серьезный лес. А реально проходимая для бронетехники дорога – два с половиной километра от Поречья до Ивановского и еще километров восемь за ним – всего одна, в аккурат по этому самому лесу и идущая. Точнее, рассекающая его подобно слегка изогнутой к юго-востоку стреле. И потому, если позволить фрицу закрепиться (как и произошло в реальной истории), массированная атака с применением танков возможна только вдоль этой самой дороги (опять же, как и было). Пехота-то с флангов обойдет – не проблема, легкие пушки и минометы тоже на горбу протащат, в июне он нечто подобное уже делал, но танки – нет. И тягачи с гаубицами тоже. Просто негде им будет проходить. От слова совсем. Поскольку фриц не идиот и противотанковыми засадами озабочится в первую очередь.

Вывод? Да простой: если все-таки ПЕРВЫМИ занять Ивановское и выбить «Раусов» с диверсантами с плацдарма до подхода их основных сил (а еще лучше вовсе не позволить захватить переправу), можно устроить просто шикарный сюрприз! Недаром именно это направление «воротами»

называли. Поскольку продвинутые европейцы, пройдя переправу, будут вынуждены переть эти самые километры, не имея даже теоретической возможности куда-либо свернуть! И в этот момент вполне реально запереть их в узком болотисто-лесном дефиле, где Ивановское будет играть роль пробки в десятикилометровом горлышке узкой бутылки. Вырваться на оперативный простор танки генерала Кемпфа⁴ смогут, лишь миновав село и продвинувшись гораздо севернее, на восемь-девять км в направлении Большой Пустомержи, где меньше лесов и болот и проще с обходными дорогами. И хозяином ситуации однозначно окажется тот, кто будет контролировать это самое горлышко.

Если заманить фрицев в огневой мешок, уничтожив мост, чтобы пути к отступлению окончательно отрезать, так и во все хорошо получится. А заодно и дамбу рвануть, превращая несколько километров окружающей дорогу местности в рукотворное болото. В дивизии есть гаубичный артполк: работа как раз для него. Конечно, ежели сил да боеприпасов хватит, что вовсе не факт. В идеале ему бы побольше артиллерии, не говоря уже про авиаподдержку... эх, как бы здорово было запереть гитлеровцев вдоль дороги да вдумчиво отбомбиться несколькими сменяющимися друг друга волнами штурмовиков! Но где все это летающее добро взять? Сейчас не сорок четвертый и даже не сорок третий, увы... Практи-

⁴ Генерал-лейтенант Вернер Кемпф – командующий 6-й ТД 41-го моторизованного корпуса Panzergruppe 4, входящей в состав ГА «Север».

чески нереально. Хотя, с другой стороны, в реальности мост через Лугу наши в июле регулярно бомбили – безрезультатно, правда, – значит, шанс получить содействие авиации все-таки имеется. В те дни советские ВВС практически полностью господствовали в воздухе – исторический факт. Тем более всего в десяти километрах, возле небольшого села Ястребино, расположен советский аэродром, но вот имеются ли там штурмовики, Кобрин не знал. Скорее всего, нет, но и истребители под боком – тоже весьма удачно. «По прибытии на место» нужно будет разузнать подробнее.

Из всего перечисленного и второй вывод имеется, уже не столь оптимистичный: если снова допустить взятие противником Поречья-Ивановского, выбить его окажется крайне тяжело, если вообще возможно. «Смотри выше», как говорится. Поскольку в этом случае в том самом «бутылочном горлышке» окажутся уже части 191-й дивизии вместе со всеми приданными силами. Не спасут ни отдохнувшие ополченцы, ни танки. Так что про варианты два и три можно смело забыть – с учетом особенностей местности шансы на успех стремятся к нулю. Однозначно. Негде там ни встречный контрудар проводить, ни срезать немецкий клин с флангов. НЕГДЕ. И точка. В лучшем случае получится, как в реальной истории: контроль противника за мостом и дорогой, немецкие ПТО, жгущие из засад наши танки, дурно скоординированные атаки пехоты и ополченцев с флангов, которые с успехом будут парировать гитлеровцы – и снова вы-

нужденный переход к обороне. Что Кобрину, по понятным причинам, категорически не подходит. Нужно искать новое решение, своего рода сплав из первого и – чего очень не хотелось бы! – третьего вариантов. Дополненный собственными наработками, понятное дело – зря он, что ли, три года в академии учился и гигабайты информации в голотеке перелопачивал?

Вот и еще один повод хорошенько подумать...

Свернув карту, Сергей уже из чистого любопытства – поскольку отлично понимал, чем все закончится, – попытался открыть данные за 13 августа и дальше. Со вполне ожидаемым результатом: «информация по данному запросу отсутствует или ваш уровень доступа не позволяет ее получить». Ну правильно: не может же он заранее знать, удалось ли переломить ситуацию! И как именно он действовал. Иначе просто глупость какая-то получится. Или... – Кобрин задумчиво хмыкнул, автоматически потеряв щеку, – или этой информации просто нет в архиве и быть не может? Ведь он еще НЕ отправился в прошлое, чтобы его, это самое прошлое, изменить. С другой стороны, как-то ведь события измененной истории развивались? Без его участия, в смысле. Впрочем, подобное уже смахивает на какой-то бессмысленный спор на тему, что же появилось первым: курица или яйцо. Так что не стоит и голову ломать, и без того вопросов больше, чем ответов...

Поерзав на эргономичном матрасе, выстилавшем дно капсулы, Кобрин расслабился и коротко кивнул лаборанту, свещающему какие-то данные на портативном планшете с показаниями монитора системы контроля жизнеобеспечения медблока:

– Предвосхищая неизбежный вопрос, ответственно заявляю: готов. Все помню. Пописать сходил. Полностью расслабился и не волнуюсь. В момент активации процедуры головой ворочать не стану, чтобы не сместить мнемодатчики. Да, фиксирующий обруч не жмет, спасибо.

Медик на несколько долгих секунд откровенно завис, переваривая услышанное, затем понимающе кивнул. Закрывающая лицо прозрачная маска искажала черты лица, но улыбке Кобрин разглядел:

– А, ну да, вы ведь уже в третий раз! Извините, товарищ капитан, я впервые самостоятельно провожу процедуру, поэтому немного волнуюсь.

– Извиняю, – фыркнул Сергей. – Только не в третий, а в пятый, так что опытный пользователь, можно сказать. Главное, смотри, братишка, не в то время меня случайно не отошли, коль впервые. А то окажусь в каком-нибудь рыцаре Круглого стола, таких дел накручу, вовек не расхлебаете. Будет вам русский при дворе короля Артура. Введу командир-

скую башенку для рыцарских доспехов и промежуточный клинок для Эскалибура, станете потом разбираться, как изменения в исторической последовательности нивелировать. А я ведь еще и на гитаре играю...

– Не отошлю, не волнуйтесь, – широко улыбнулся научник. – Вообще-то я здесь так, по большому счету, проформы ради. Всем управляет главный компьютер – полагаю, вы знаете. Только никакой я не братишка, тарщ капитан, сестренка скорее. Девушка я, прапорщик Ветвицкая, младший научный сотрудник.

– Кхм... простите, – смутился Сергей, мгновенно успев пожалеть и про излишне юморной тон, и про «пописать». – Глупо вышло, лишнего наболтал. Начинайте.

– Удачи. – Лаборантка легонько сжала опутанное проводами системы КЖД предплечье. Затянутые латексом одноразовой перчатки тонкие девичьи пальчики были холодными. – Возвращайтесь.

Опустилась, едва слышно чмокнув герметизатором и разом отсекая все звуки извне, прозрачная крышка «ванны». В лицо пахнуло озоном и какой-то медицинской химией: внутри медкапсулы установилась стерильная атмосфера, подпертая избыточным давлением. Матрас под спиной едва ощути-мо вздрогнул и просел, окончательно принимая форму тела лежащего человека.

– Обязательно, я... – хотелось произнести еще что-то, но мысли уже путались, хаотично сталкиваясь и отскаки-

вая друг от друга бильярдными шарами. Сознание неумолимо гасло, плавно погружаясь в темноту. Настало мгновение, когда все вокруг исчезло. Не осталось ни времени, ни пространства, ни верха, ни низа, ни пустоты, ни объема – вообще ничего. То, что являлось слушателем третьего курса ВАСВ Сергеем Кобриным, внезапно пронизало эфемерную плоть самого времени, за неуловимый разумом миг преодолев сотни разделяющих прошлое и будущее лет. И больше не осталось ни прошлого, ни будущего – одно только настоящее.

Но сам он этого, как уже бывало не раз, не ощутил. Просто все вдруг исчезло – и тут же вернулось обратно. Совсем в ином качестве, разумеется...

* * *

Лужский рубеж, с. Ивановское, 12 августа 1941 года

Командиру 191-й СД полковнику Лукьянину⁵ отчаянно хотелось спать. А как иначе, коль лег не раньше двух ночи, а сейчас небо на востоке уже окрасилось в пастельные то-

⁵ Фамилия изменена. Прототип героя романа – полковник Д. А. Лукьянов, командир 191-й СД с 05.04.1941 по 02.11.1941 года. С мая 1943-го – генерал-майор, войну окончил в должности командира 48-й СД. Кавалер многих правительственных наград, в том числе орденов Красного Знамени и Отечественной войны I ст., медали «За оборону Ленинграда» и других.

на приближающегося рассвета? Конечно, уже не июнь, когда светало в начале пятого, и даже не июль, но все одно, отдохнуть удалось не больше пары-тройки часов. Да и все последние дни он, мягко говоря, не высыпался. Нет, бывало и хуже, кто спорит? И по несколько суток без сна обходился. Но сейчас ему уже сорок один, а вовсе не восемнадцать, как тогда, когда он только пришел в Красную Армию. В восемнадцатом году, ага. Вот такой вот словесный каламбур, поскольку был Дмитрий Акимович, что называется, ровней века. Одна тысяча девятисотого года рождения, проще говоря. Вроде и не шибко много весен за плечами осталось, что такое для мужика сорок лет? Но давят, заразы, на плечи все сильнее и сильнее. Уж больно сложное время было, что для страны, что для него самого. Сначала Гражданская война, затем разруха и полуголодные первые полтора десятилетия мирной жизни. Строилась страна, возрождалась и укреплялась армия. Впрочем, такой ли уж мирной была эта жизнь? И войн хватало, и внутренние враги не дремали, и империалисты покоя не давали, стремясь навредить, где только возможно. А когда стало казаться, что справились да выстояли, что самое сложное позади, новая война в двери постучалась. Да такая, что снова вопрос о самом существовании Родины встал. Не такой, как в Гражданскую – куда острее. Беляки с интервентами опасным врагом были, но немцы с ними ни в какое сравнение не идут...

Эх, хоть бы часок еще покемарить. Да что ж ты меня тря-

сешь-то за плечо, ирод! Эх, Завьялов, Завьялов! А еще капитан РККА, адъютант комдива! Проснулся уже твой командир, проснулся. Практически. Такой сон испортил, досмотреть не позволил. Фантастический сон, можно сказать, хоть и непонятный какой-то. Бойцы в причудливой униформе и непривычных шлемах, все лицо закрывающих, со странным оружием в руках. Бронемашин невиданных, на нормальные танки лишь отдаленно смахивающие. Одни гусеничные, другие колесные, хоть практически ничем от первых и не отличающиеся. Приземистые, массивные, только орудия вовсе несерьезные, больно тонкие какие-то. С виду на пулеметы крупнокалиберные или скорострельные пушки похожи, зато как стрельнут – так эффект будто от гаубицы. Самолеты тоже странные, быстрые, будто молнии – пока, гул над головой слышав, вверх взглянешь, их уж и след простыл, только белесая полоса на небе остается, словно от реактивного снаряда. А вот взрывы, что после их пролета землю в стороны разбрасывают, да крики раненых – вполне обыкновенные, такие, как на любой войне, хоть настоящей, хоть фантастической. И кровь тоже обыкновенная, человеческая. Красная...

Сознание затуманилось, как порой бывает во сне. Точнее, в тот краткий миг, когда человек уже не спит, но еще не бодрствует; когда невозможно понять, продолжение ли это сна или реальность. Сильно, до тошноты закружилась голова. И командир стрелковой дивизии, глухо застонав и рванувшись на топчане, очнулся окончательно. Вот только с этого момен-

та он уже не был комдивом 191-й СД полковником Дмитрием Акимовичем Лукьяниным. С этого момента его звали капитаном Сергеем Викторовичем Кобриним, выпускником третьего курса Высшей академии сухопутных войск.

Очередная, уже третья по счету, «стыковка сознания» благополучно завершилась. На этот раз ассоциация прошла не столь легко, как в прошлый раз, с Сениным. Сергей мельком ощутил, как разум реципиента подсознательно, на уровне инстинкта самосохранения, сопротивляется ментальному давлению донора. Странное ощущение, которое практически невозможно описать словами. Наиболее близкая аналогия – словно пытаешься продавить ладонью упругую, обволакивающую пальцы, но упрямо не рвущуюся пленку, с каждым мигom ощущая, как погружаешься все глубже и глубже. Вот только вместо руки был разум, а вместо пленки – чужая воля... Пребывающему на грани сна и яви комдиву даже удалось на долю мгновения – ту самую, когда они являлись *одним человеком*, с одними на двоих воспоминаниями, – прикоснуться к его собственным воспоминаниям, увидев что-то из его прошлого. Но что именно, Кобрин не уловил. Вроде бы какой-то полузабытый, но услужливо сохраняемый памятью бой на Терре-3 или Вирджинии – перед мысленным взором промелькнули распластанные тени вражеских атмосферников класса «Гарпия», штурмующих войсковую колонну сухопутных сил Федерации. По которым, задрав в небо стволы, электромагнитные ускорители и пусковые кон-

тейнеры, лупило все, способное стрелять: от БМП и бэтэ-эров до комплексов фронтовой ПВО. Где и когда это было, Сергей так и не осознал, полностью поглощенный слиянием с разумом реципиента. А затем настал миг, когда Кобрин окончательно продавил чужую защиту, полностью овладев сознанием Лукьянина, и все это вовсе перестало иметь хоть какое-нибудь значение...

Глава 3

Лужский рубеж, с. Ивановское, 12 августа 1941 года

Окончательно придя в себя, Кобрин – ну да, теперь уже именно Кобрин – приподнялся на кровати, фокусируя взгляд на лице стоящего рядом человека. Точнее, его адъютанта, капитана Завьялова. «Константина», как услужливо подсказала память: то ли благодаря автоматически активизировавшемуся инфопакету его собственная, то ли полковника Лукьянина.

– Виноват, товарищ командир, – сообщил тот, не дожидаясь вопроса. – Радиограмма из штаба фронта, с пометкой «весьма срочно». И разведчики из-за реки вернулись. Тоже срочно, принесли сведения особой важности. Командир разведбата прибыл, снаружи дожидается. Начштаба с особистом у себя, командиры полков сейчас будут.

Поколебавшись секунду, капитан мрачно добавил:

– Не знаю, что там в эрдэ, но из разведгруппы только двое обратно дошли, раненые все. Остальные там и остались. Сейчас товарищ майор сам доложит.

– На немцев напоролись? – хриплым со сна голосом спросил Кобрин, решительно садясь на жесткой деревянной лавке, застеленной сложенным вдвое стеганым одеялом и шинелью. Голова слегка кружилась, но вполне терпимо. Ниче-

го, еще пару минут, и все придет в норму – все-таки чужое тело, которым еще только предстоит овладеть в полной мере. Прокашлялся, прочищая горло, и подвигал руками, вроде бы разминаясь, а на самом деле незаметно для капитана приноравливаясь к моторике комдива. Собственно, Завьялов все равно ничего не заподозрит – мало ли как внезапно разбуженный человек себя ведет? Может, руку во сне залежал или просто потягивается?

– Не на немцев, – со вздохом покачал головой Завьялов. – Ну, в смысле на немцев, конечно. Только не на простых, а на диверсантов. Неподалеку от моста на той стороне и столкнулись, насилиу с боем ушли. Двоих сразу потеряли, затем еще одного, еще двое остались прикрывать отход.

– «Бранденбурги»? – едва ли не против воли ахнул Сергей, мгновенно сложив в уме два и два. И затейливо выругался себе под нос, беззастенчиво используя память реципиента. Похоже, они снова опаздывают, пусть и не столь серьезно, как *в прошлый раз*. Хотя, если фрицы еще не заняли переправу, все не настолько критично. Вероятно, группа столкнулась с пешей разведкой, которую наши в прошлый раз благополучно прохлопали. Хорошо ли это? Пожалуй, да, хорошо. Поскольку означает, что диверсанты к мосту еще не выдвинулись. В прошлый раз они захватили переправу после десяти утра, оторвавшись от основных сил на пять с лишним километров. Так что время, вполне вероятно, пока еще есть, хоть и немного. Но нужны подробности. Кровь из носу, нуж-

ны...

– Кто? – искренне не понял капитан.

– Неважно, потом объясню. – Кобрин поднялся на ноги. От резкого движения его повело в сторону, пришлось опереться ладонью на бревенчатую стену, благо лавка под ней и стояла. Завьялов дернулся было помочь, но Сергей отстранил его:

– Нормально, не выспался просто. Встал резко. Уже прошло.

Мельком оглядел себя – повезло, спал в одежде, даже не разувался, видать, чтобы времени, случись что, не терять. Только портупею надеть – и вперед. Как чувствовал, ага...

– Пошли с разведкой говорить.

– А радиограмма? – опешил капитан.

– По дороге прочитаю. Мне сейчас разведданные важнее. Если это то, о чем я думаю, то хреново, даже очень хреново. – Комдив принял из рук адъютанта портупею с кобурой, перебросил через голову плечевой ремень, затянул пояс. Привычно оправил гимнастерку, загнав складки за спину, застегнул верхнюю пуговицу. – Фуражку подай. Ага, спасибо. Все, вперед, времени, как я понимаю, у нас совсем в обрез. Время, Костя, теперь не на часы даже – как бы ни на минуты пошло... хотя ты прав, давай прямо сейчас и прогуляжу. Подсвети только, темновато тут.

Пока адъютант вытаскивал из полевой сумки бланк расшифрованной радиограммы и возился с фонариком, Кобрин

успел провести «ревизию» памяти комдива, сверяя информацию с тем, что знал сам. Ага, вот оно что... Итак, на этот раз дивизия и на самом деле не опоздала, выйдя к Ивановскому еще вчерашним вечером, в тот же самый день, когда кампфгруппа полковника Рауса находилась на расстоянии буквально десяти километров от реки. Основные силы 6-й танковой, как и в реальной истории, отставали на полсотни километров, полноценный дневной переход. Немногим меньше времени требовалось нашим, чтобы подтянуть тылы. Впрочем, подразделения дивизии и сейчас были готовы оказать противнику отпор, оказавшись той самой «пробкой» в десятикилометровом бутылочном горлышке. Если, конечно, события в целом пойдут так же, как «помнил» Сергей из известной ему истории. А вот если гитлеровцы поступят как-то иначе... хотя вряд ли. Да и как, каким образом? Ни лес, ни болота никуда не делись – и не денутся, будем надеяться. И новой дороге, ведущей в обход, за ночь взяться неоткуда, ага. Подобные изменения местности абсолютно невозможно осуществить за сутки даже в его родном времени, какими бы продвинутыми технологиями терраформирования ни овладели люди за прошедшие столетия.

Пока же ни наши, ни фрицы буром да по темноте лезть вперед не стали, решив выждать до утра. С немецкой стороны к Луге двинулись диверсанты восьмой роты полка особого назначения «Бранденбург-800», с нашей – упомянутая выше разведгруппа из семерых бойцов. Опытных, уже успев-

ших понюхать пороха в июньских и июльских боях... но никак не ожидавших встретиться у переправы с матерыми волками, подготовленными ничуть не хуже их. Результат боя вкратце озвучил Завьялов – потеряв четверых, разведчики все-таки оторвались, уйдя за реку.

Содержание радиogramмы оказалось вполне предсказуемым и Сергея несколько не удивило. Ему предписывалось обеспечить невозможность захвата противником моста и плацдарма у деревни Поречье. Вот спасибо, а то он сам не догадывался! Да и не только он, но и Лукьянин: судя по информации из памяти реципиента, комдив прекрасно осознавал всю опасность сложившейся ситуации, потому вчера и отправил разведгруппу на ту сторону Луги. С заданием удостоверить, что ночью фашисты не начнут скрытную переброску сил через реку. В случае же обнаружения вражеской активности разведчикам надлежало немедленно радировать в штаб дивизии. Но на связь они не вышли, иначе Лукьянина разбудили бы гораздо раньше, еще до ассоциации с Кобринным. Возможно, разбили рацию, или радист погиб, или просто не успели, вступив в бой с немецкими диверсантами. Выяснить подробности можно было, только поговорив с командиром разведбата и, крайне желательно, с уцелевшими бойцами, чем Сергей и собирался заняться.

Завидев вышедшего из избы комдива, майор Гареев, командир разведывательного батальона дивизии, торопливо выбросил недокуренную папиросу и козырнул, бросив ла-

донь к фуражке. В нескольких метрах негромко тарахтела работающим мотором запыленная по самую крышу штабная «эмка», на которой он и прибыл. Главный разведчик стрелковой дивизии оказался невысок, но крепок в кости, как в народе говорят. Чернявый, с небольшими щегольскими усиками, подтянутый, несмотря на ранний час. «Наверняка тюркские корни имеются», – автоматически отметил Кобрин, заодно припомнив, как его зовут. Память Лукьянина не подвела, имя вспомнилось легко – несмотря на быстроту ассоциации и отсутствие времени на адаптацию (в прошлые два раза у него было пусть и немногим, но больше времени, чтобы *осознать* себя «в новом качестве»), сознание реципиента оказалось в его полном распоряжении.

– Товарищ полковник, командир разведбата, майор...

– Некогда, Рустам, докладывай. Кратко и по существу. Будет нужно – сам спрошу.

– Есть. С противником группа встретилась приблизительно в трех километрах от переправы. Судя по обмундированию и экипировке – диверсанты. Скрытно двигались лесным массивом в сторону реки. С собой имели личное стрелковое оружие, автоматы и карабины и один пулемет системы МГ-34. Уклониться от боестолкновения возможности не было, столкнулись практически лоб в лоб. Немцы, несмотря на потери, преследовали группу почти до самой Луги – вероятно, не хотели, чтобы о них узнали. Предполагаю, разведывали безопасные подходы к мосту, имели цель вскрыть систему

его охраны. Оторваться удалось только в километре, оставив огневой заслон. Выйти на связь возможности не имелось: радиостанцию разбило осколком, радист погиб. Наши потери – пятеро, у противника предположительно больше. Удалось захватить раненым одного пленного, но дотащить не сумели – умер при транспортировке. Никаких документов при нем не имелось. Кто такие, точно не известно. Мое мнение – сброшенная этой ночью с самолета группа парашютистов или разведка немецкой танковой дивизии. У меня все.

– Никакие это не парши... – задумчиво пробормотал Кобрин, анализируя короткий, но емкий доклад майора. Что ж, пока события, очень на то похоже, развиваются именно так, как он и ожидал. Точнее, как было в реальной истории. Но поговорить с ранеными разведчиками все-таки необходимо – хотя бы для того, чтобы убедиться, что к мосту идут именно диверсанты лейтенанта Реннера⁶ и изменившаяся реальность не подкинула никакого сюрприза. Все-таки события сместились на целый месяц, а за столь долгий по военным меркам срок много чего могло произойти. – Диверсанты из восьмисотого учебного полка «Бранденбург». Слышал про таких?

– Так точно, слышал. В сводке проходило, они недавно мост в Даугавпилс взяли. А в июне в районе Бреста вовсю орудовали, еще за сутки до немецкого нападения. Разрешите

⁶ В реальной истории 14 июля 1941 года мост через р. Лугу был захвачен именно диверсантами лейтенанта Карла Реннера.

вопрос?

Сергей молча кивнул. Фразу майора про июньские события он оставил без внимания: не рассказывать же ему, что он там БЫЛ, причем лично? Правда, тогда с «бранденбургами» встретиться не довелось.

– Почему думаете, что это именно они? Могут ведь и на самом деле парашютистами оказаться. Нам доносили, что фашисты их активно используют, в том числе на Северном фронте.

– Почему? – Кобрин невесело хмыкнул. – Ну, считай, предчувствие у меня. Вот сейчас с твоими бойцами поговорим, глядишь, и разберемся. Ты, гляжу, не на своих двоих прибыл? Поехали?

– Так точно, машина ждет. – Командир разведбата первым двинулся к легковушке. Судя по задумчиво нахмуренному лбу, вопросы у него не закончились. Сергей даже догадывался какие: кто такие «парши» (ну да, согласен, сболтнул, не подумав: здесь этот термин пока не в ходу, а даже если бы и использовался, вовсе не факт, что фронтовой разведчик мог его знать)⁷ и отчего он так уверен, что к мосту идут именно «бранденбурги».

Комдив взглянул на Завьялова:

– Костя, дуй в штаб. Передавай приказ: объявляю боевую

⁷ Парш (жаргон) – сокращение от парашютиста (другой вариант – парашютист-шпион). Встречается, к примеру, в романе В. О. Богомолова «Момент истины». Кобрин имеет в виду, что термин не только появился позже описываемых событий, но и использовался главным образом в частях «СМЕРШа».

тревогу. И связь с танкистами чтобы работала как часы. Боюсь, наш заслон у моста долго немцев не сдержит, а если они переправу захватят и в Поречье окопаются, худо будет. А мост им отдавать нельзя, никак невозможно.

– Но я...

– Товарищ капитан, выполняйте приказ! – повысил голос Сергей. – Через двадцать минут буду лично. Да, и самое главное: немедленно связаться с гарнизоном охраны моста! Прямо сейчас, не откладывая ни на минуту! Пусть немедленно занимают позиции и ждут!

Память – на сей раз не реципиента, а его собственная – услужливо подсказала, что переправу охраняют бойцы второй дивизии НКВД. Всего сорок семь человек, включая командиров. Несмотря на наличие траншей с пулеметными гнездами и нескольких ДЗОТов по обе стороны моста, в *прошлый раз* они так и не сумели оказать существенного отпора диверсантам лейтенанта Реннера, хоть бой и был достаточно ожесточенным. Ну, не ожидали они, что в советском броневом автомобиле и советском же грузовике окажутся три десятка врагов, переодетых в красноармейскую форму! Многие из которых еще и по-русски свободно говорили. Хотя и должны были, конечно, война уж третий месяц идет...

В итоге немцам удалось захватить мост и, поставив дымовую завесу, подавить гранатами укрепленные точки. А после того как к реке подошли танки, бой и вовсе завершился, понятно в чью пользу. Взорвать переправу, к сожалению, гар-

низон охраны не успел – или не имел такой возможности. По одной из версий, этому воспрепятствовали диверсанты, успевшие перерезать ведущие к зарядам провода, по другой – мост по какой-то причине вовсе не был заминирован, как и дамба у Ивановского, а установленные на настиле бочки с горючим поджечь не удалось...

– Слушаюсь, – взял себя в руки Завьялов. – Что передать?

– Передать, что в течение самого ближайшего времени на мост будет совершена атака фашистских диверсантов, вероятно, переодетых в форму РККА и использующих трофейную советскую технику и оружие, скорее всего, хорошо владеющих русским языком. Пусть займут укрепления и ждут. Приказываю, под мою личную ответственность, к переправе никого не подпускать. Вообще никого! Останавливать, при малейшем неповиновении – стрелять на поражение без предупреждения. В ближайшие несколько часов к мосту никто не должен подойти. Вообще никто! Ни подойти, ни подъехать! В самом крайнем случае мост уничтожить! Любым способом. Если не успели заминировать – пусть просто подожгут – настил деревянный, полыхнет за милую душу. Хотя лучше, конечно, взорвать, коль взрывчатка имеется, пусть готовят к подрыву немедленно. В случае нападения немедленно подать сигнал – помощь прибудет в самые ближайшие сроки. А станут спорить – напомнить, что переправа находится в зоне ответственности моей дивизии, так что отдавать подобный приказ я право имею. Да, и пусть имеют в ви-

ду, что максимум через десять-пятнадцать минут от начала вражеской атаки к мосту подойдут до роты пехоты и взвод легких танков. Впрочем, наше подкрепление должно успеть первым, так что пусть не особо пугаются.

– Так точно... – шумно сглотив, пробормотал Константин, переваривая обрушившуюся на него информацию. – Разрешите выполнять?

– Выполняйте, товарищ капитан, времени нет!

Майор Гареев молчал, хоть по его лицу было видно, что вопросов у него с каждой минутой становится все больше.

– Рустам, тебя тоже касается, поехали...

* * *

– Вон там они, товарищ полковник, в этой избе, – подсказал Гареев, на всякий случай указав направление рукой. – Там наша медицина пункт первой помощи разместила, ну и раненых туда же отправили. Сам медсанбат, понятно, полностью пока не развернулся, ждут развития событий.

– Понятно, – буркнул Кобрин. – Пошли быстренько, меня в штабе ждут, сам слышал, как все завертелось. Блокнот с карандашом имеешь?

– Так точно.

– Пока я с бойцами говорить стану, записывай вкратце, чтобы чего важного не упустить. Ты ведь их только устно опросил, как я понимаю, а ждать оформления подробного

рапорта у меня нет времени. Добро?

– Есть, – пожал плечами комбат, если и удивившись, то вида не подав.

Первым поднявшись на невысокое, из трех ступенек, крыльцо, Кобрин столкнулся с молоденькой медсестричкой, выносящей эмалированный таз с обрывками окровавленных бинтов, тампонов и прочей медицинской «расходки». Встреча оказалась неожиданностью для обоих. Сергей чисто инстинктивно отпрянул в сторону, девушка тоже. По закону подлости в том же самом направлении, разумеется. В результате чего таз уперся в живот комдиву, а медичка мгновенно пошла алыми пятнами, едва не выронив емкость вместе со всем жутковатым содержимым.

– Ой... п-простите, т-товарищ полковник... – Похоже, девчушка была на грани обморока. Поскольку никакой касающейся ее информации в памяти Лукьянина не нашлось – да и с чего бы, собственно? С какой радости командиру дивизии знать в лицо или тем паче по имени медицинских сестер? – пришлось импровизировать. Подхватив таз одной рукой, другой поддержал ее под руку:

– Аккуратнее, красавица, так и командира зашибить недолго! А кто тогда с немцем воевать станет? Спускаемся остороженько, тут ступеньки. Вот и хорошо. Ну, все нормально?

– Да... – пискнула девчушка, выдергивая из его руки таз. Бурая, цвета мясных помоев жидкость на дне едва заметно

плеснула. – Виновата, не заметила. Разрешите идти?

– Разрешаю, – улыбнулся Сергей, делая знак Гарееву. Майор плавным движением метнулся к медичке, помог спуститься с крыльца, успев незаметно подмигнуть. – Как там наши раненые?

– Помощь обоим оказали, жить будут, – взяв себя в руки, ответила та. – Можно поговорить. Недолго только, им в госпиталь нужно. Ой, да что вы у меня-то спрашиваете? Проходите внутрь, доктор сам и расскажет. Хотя нет, он только что ушел, минут через двадцать вернется. Вы его, наверное, подождите, да?

– Спасибо, дальше мы уж сами разберемся.

Еще раз ободряюще улыбнувшись девушке, Сергей толкнул дверь и прошел в сени, ничуть не смущенный неожиданным происшествием майор – следом. Пригнувшись, чтоб не ушибить голову о низкую притолоку, огляделся. Просторная комната, выходящая окнами на восток и запад (по два с каждой стороны) и оттого светлая, разделена надвое подвешенными под потолком белыми простынями. За которыми, нужно полагать, располагалась та самая то ли смотровая, то ли перевязочная: весьма далекий от медицины Кобрин в подобном разбирался очень слабо. Поскольку там, в его времени, все, касающееся оказания помощи раненым, было в целом автоматизировано. На поле боя – индивидуальные аптечки первой помощи, способные остановить кровотечение, снять болевой шок, защитить от отравления или радиации и под-

держат организм бойца до прибытия эвакуационной команды. На следующем этапе – компьютеризированные операционные и реанимационные модули, требующие минимального человеческого вмешательства. Здесь же все было совсем иначе...

Раненые сидели на покрытой застиранной простыней лавке в граничащем с сенцами «предбаннике», куда меньшем по размеру, нежели основная часть помещения. Один совсем молодой, не больше двадцати лет. Голова перевязана, на только что наложенном белоснежном бинте уже успело проступить крохотное алое пятнышко; под правым глазом, опускаясь на полщеки, наливается роскошный синяк, скорее даже кровоподтек. Знакомое дело – подобное бывает при сильном ударе, например прикладом или ногой. Второй постарше, под тридцать, пожалуй. Баюкает на груди правую руку, замотанную тугими турами бинта от локтя и выше. Штанина маскировочного костюма, обычной двухцветной «амебы», разорвана вместе с хлопчатобумажными шароварами, свисая лохмотьями от колена до голенища сапога, глубокие ссадины на коже обильно замазаны йодом. Лица у обоих чумазы, пятнисто-полосатые от смешанной с потом грязи, копоти и крови, только белки глаз и выделяются. Да уж, похоже, тяжело сегодня мужикам пришлось...

Заметив вошедших, ближайший ко входу разведчик (тот, что постарше) попытался торопливо подняться на ноги. Его товарищ, мазнув по лицу комдива расфокусированным

взглядом человека, получившего черепно-мозговую травму, с запозданием дернулся следом, однако Кобрин лишь махнул рукой – «сидите, мол».

– Товарищ полковник, товарищ майор, замкомвзвода сержант Евсиков...

– Вольно, сержант. О здоровье не спрашиваю, сам все вижу. Доложить о результатах разведки сможете?

– Так точно, смогу, – кивнул сержант, бросив на товарища короткий взгляд.

Поискав взглядом, на что бы присесть, Сергей заметил возле противоположной стены парочку массивных деревянных табуретов. Подтянув один поближе, уселся в паре метров от бойцов. Вторым завладел Гареев, разместившийся в углу. Выложив поверх планшета блокнот и взяв карандаш, майор приготовился конспектировать разговор, выполняя просьбу командира. Особой надобности в последнем, в принципе, не было: на память Кобрин пока не жаловался, но пусть будет. Вдруг на самом деле что-то важное упустит?

Сергей оглядел напрягшихся разведчиков. Волнуются, понятно: не ожидали, что придется повторять рассказ самому комдиву. Да еще и в подобной обстановке, определенно не способствующей спокойному разговору. А что делать? Нет у него ни времени, ни возможности, чтобы дожидаться оформленного по всем правилам рапорта. Обстоятельного, с аккуратно нанесенными на карту местности пометками и пояснениями. И местного особиста, которому при подобном

разговоре обязательно надлежит присутствовать, в пределах видимости тоже не наблюдается. Что, с одной стороны, вроде как непорядок, а с другой? А с другой – некогда ждать. Поскольку у него снова цейтнот, как и в прошлые два раза.

Правда, и ставка *сейчас* не в пример более высокая...

– Значит, так, товарищи бойцы. Надолго я вас не задержу, сам вижу, в каком вы состоянии. О том, с кем вы за Лугой столкнулись, мне уже доложил товарищ майор. Сейчас прошу кратко, без лишних подробностей, рассказать обо всем произошедшем еще раз. Буквально пять минут на рассказ. В первую очередь меня интересуют подробности, касающиеся этих диверсантов. *Любые* подробности, – с легким нажимом повторил Кобрин. – Как вооружены и экипированы, чем занимались, когда с вами столкнулись, на каком языке разговаривали, что заметили странного или необычного. А во вторую – что вообще на той стороне реки творится? Какие силы и средства противника обнаружили, где расположены, готовятся ли к наступлению – ну и так далее, не мне вас учить, что важно, а что нет. Мне доложили, что с диверсантами вы встретились километрах в трех от моста, так? Посему меня интересует, есть ли фашист на этом расстоянии или нет. Докладывает сержант Евсиков, товарищ дополняет, если сочтет нужным или заметит, что командир что-то пропустил или не заметил. Боец, представьтесь!

– Красноармеец Сидоров, – чуть заторможенно сообщил второй разведчик, часто моргая и непроизвольно кривя ли-

цо. Похоже, и на самом деле сотрясение мозга или контузия. В стационар парню нужно, и поскорее.

– Приказ понятен?

– Так точно, – нестройно отрапортовали красноармейцы.

– Рассказывайте, время пошло...

Интерлюдия 1

Лейтенант НКГБ Виктор Зыкин, конец августа 1941 года

Приземлились на каком-то безымянном полевом аэродроме. Самолет при посадке нещадно подкидывало и мотало из стороны в сторону: взлетно-посадочная полоса оказалась просто лесной просекой, стараниями персонала БАО выровненной до более-менее удобоваримого состояния. Кустарник выкорчевали, кочки срезали, ямины и промоины засыпали и утрамбовали – чем не взлетка? Истребители за милую душу взлетают да садятся, значит, и транспортник приземлится. Вот и приземлился. А что потрясло немного, так не беда, хорошо, что вообще невредимым добрался – Люфтваффе пока что в воздухе себя королями чувствуют. Спасибо прикрытию, отогнали, когда на подлете следом пара «мессеров» прицепилась. Но в бой немцы ввязываться не стали – видать, не по нраву им наши новые «ястребки». Пуганули парой неприцельных очередей, да отвалили, завидев, как «МиГи» перестраиваются для атаки.

Ощущая себя вполне опытным авиапутешественником – второй раз на самолете летит, шутка ли? – Зыкин простучал сапогами по невысокой, всего в несколько ступенек, металлической лесенке-трапу, с наслаждением ощутив под подошвами твердую землю. Опытный-то он опытный, конечно, тут никаких сомнений... но на земле оно как-то всяко надежнее. Огляделся. Под деревьями лесной опушки – укрытые сетями истребители, возле которых копошится обслуга, на дальнем краю поля – замаскированная батарея ПВО, тянущая к небу увенчанные раструбами пламегасителей хоботки скорострельных зенитных автоматов 61-К. Где разместились остальные аэродромные службы, отсюда не видно – укрыты где-то неподалеку. А вообще, грамотно тут все организовано, молодцы. С высоты-то, небось, и вовсе ничего не разглядишь: ну просека – и просека, каких в этих краях много. Или не просека, а луговина, мало ли...

Зыкина, как выяснилось, ожидали – не прошло и пары минут, как к самолету подкатила... нет, не легковушка, а самая обычная полуторка. Из кабины которой, не дожидаясь полной остановки, выскочил сержант госбезопасности. Кинув ладонь к косо сидящей фуражке, представился торопливой скороговоркой:

– Сержант Колосов, здоровья желаю! Товарищ лейтенант Зыкин? Нас предупреждали. Садитесь в машину, сразу и поедem. Вон, в кабину лезьте, а я в кузове прокачусь. Вещей при вас не имеется?

– Не имеется, – подтвердил Витька, скрыв улыбку, глядя на суету встречающего. Ишь как волнуется, едва из португепи не выскакивает! Интересно, кем его представили в радиогамме? Какой-нибудь важной шишкой из столицы? Так звание для оной шишки определенно маловато: всего-то лейтенант. Да, вот кстати... Не стоит расслаблять товарищей на местах.

– Сержант, а документы у меня проверить не хочешь? Так, на всякий случай? А то вдруг не того встретил?

Вопрос явно застал Колосова врасплох – бедняга аж завис, как любил говорить Степаныч, на пару секунд:

– Так это, мне ж сообщили насчет самолета...

В следующий миг до него дошло. Покраснев, он придал лицу донельзя строгое выражение:

– Виноват, замотался. Разрешите ваши документы, товарищ лейтенант?

Выглядел он при этом настолько серьезно и одновременно комично, что Зыкин даже хмыкнул про себя: ты бы еще ладонь на кобуру положил, для полноты картины, так сказать!

– Прошу. – Продемонстрировав удостоверение в раскрытом виде и позволив вчитаться в содержание, Виктор убрал документ и коротко подмигнул сержанту:

– Ну что, порядок?

– Так точно.

– Тогда вперед, незачем время терять, тут ты всяко прав. Куда ехать-то, знаешь?

– А как же, – весело ответил ничуть не смущенный произошедшим Колосов. – Известно. Тут не шибко далеко, меньше чем за час доберемся. Так что, едем? Можно?

– Нужно. – Лейтенант забрался в тесную кабину, усевшись рядом с немолодым сержантом с черными петлицами автобронетанковых войск. Мотор шофер не глушил, сберегая и без того невеликий ресурс дефицитного стартера с аккумулятором – иначе пришлось бы возиться с заводной ручкой. Зыкина подобное нисколечко не удивило: знакомое дело, уж повидал. Водила, пробормотав положенное приветствие, впросительно взглянул на пассажира:

– Так чего, поехали, товарищ лейтенант?

Захлопнув дверцу, Витька поерзал на потертой дерматиновой сидухе, устраиваясь поудобнее. Грузовик легонько качнулся, когда Колосов, оттолкнувшись ногой от заднего ската, лихо запрыгнул через борт в кузов.

– Поехали, сержант...

* * *

– Честно говоря, не совсем понимаю, что вы, собственно, хотите от меня услышать, товарищ лейтенант государственной безопасности? – Комдив Михайлов, прикурив вторую по счету папиросу, бросил на стол полупустую пачку и устало пожал плечами. – Подполковника Сенина знаю давно, еще с тех времен, когда с япошками на Халхин-Голе воевали. Там

и познакомились. С семьей его тоже знакомство имел: и с супругой, и с детишками. Семья у него просто замечательная. Повезло, кстати, что не успел сюда до войны перевезти, так в Хабаровске и остались. Избежали, можно так сказать, эвакуации. После ранения товарищ Сенин служил в Монголии, пока я его к себе не перетащил весной этого года. Остальное вам и без меня известно. А воевал он, не побоюсь этого слова, героически! Грамотно, четко, продуманно. Если б у нас все комбриги так воевали, как Серега под Смоленском, глядишь, и вовсе не отступали бы...

Смерив нежданного гостя насмешливым взглядом, Михайлов добавил, затягиваясь:

– Что, товарищ лейтенант, чего-то не то сказал?

– Наоборот. – Зыкин спокойно выдержал взгляд полковника. – Сказали вы именно то, что я и ожидал услышать. А теперь хотелось бы узнать об этом немного подробнее.

– Даже так? – удивленно хмыкнул комдив. – И в каком, простите, смысле подробнее? Журнал боевых действий предоставить? Так он и так в полном вашем распоряжении, изучайте на здоровье, начштаба у меня грамотный, все как есть описал. Или на словах рассказать, как мы немцу перца под, гм, хвост насыпали?

Виктор помолчал несколько секунд, мучительно решая, как строить дальнейший разговор. То, что его вопросы комдив встретил в штыки, хоть и старался не подать вида, Зыкина не особо удивило. А как бы он сам поступил, окажись на

его месте? Приехал непонятный особист из самой Москвы, задает достаточно странные вопросы относительно старого боевого товарища. Хорошо еще, что он подписанный лично товарищем наркомом документ не стал показывать, как Лаврентий Павлович и советовал. Тогда о доверительном разговоре и вовсе можно было бы позабыть...

А если вот так? И ведь практически не совет, только несколько, хм, сместит акценты, по-умному говоря:

– Григорий Михайлович, ну что вы в самом-то деле? Враг я вам, что ли? Или думаете, что под товарища подполковника копаю? Так глупости! Слово командира даю, не так это! Верите?

Михайлов неопределенно пожал плечами, то ли соглашаясь, то ли наоборот. Но промолчал.

– Хорошо, давайте так договоримся: сейчас я вам кое-что расскажу, но и вы мне тоже честно ответите. Если сочтете нужным. Если нет – я просто уйду. Совсем. Добро?

– Излагайте уж, товарищ лейтенант. За резкость прошу прощения, возможно, и перегнул палку, поскольку устал сильно. Мне через неделю в бой, а с матчастью беда, да и людей тоже, особенно грамотных командиров, кот наплакал... впрочем, неважно, уж точно не ваши проблемы. Но и вопросы у вас, скажем прямо, тоже неожиданные. Подполковник Сенин – герой, каких поискать. Во всех смыслах. Из этого прошу и исходить. Итак, слушаю?

– Так точно. Знаете, Григорий Михайлович, возможно, вы

меня и на самом деле не совсем правильно поняли. Дело в том, что боевые действия вашей бригады признаны одними из лучших на всем фронте. Именно поэтому я и здесь.

– Любопытно, – по-прежнему хмуро буркнул комдив. И все же от взгляда Зыкина не укрылось, как едва заметно разгладилось его лицо. – Продолжайте.

– Ставкой принято решение уделять особо отличившимся командирам особое внимание. Перенимать опыт, так сказать. Выяснять, отчего другие не могут воевать настолько же эффективно. В частности, это касается товарища Сенина – насколько мне сообщили, именно благодаря которому две недели назад и удалось удержать Смоленск. Вот поэтому я и хотел с ним поговорить.

– Красиво излагаешь, – задумчиво пробормотал Михайлов, туша папиросу в закопченной жестянке из-под тушенки. – И ведь никак не проверишь, так оно на самом деле или ты все это выдумал. Ладно, считай, верю. Только не в одном Сергее Васильевиче дело, я ведь тогда и сам всех подробностей не знал. Полагал, как мне и доводили перед началом контр-удара, что мы лишь помогаем деблокировать и вывести попавшие в окружение войска. Да и основной удар совсем в ином месте провели – наверняка ведь знаешь? Ну а про то, что Ставка не собиралась город сдавать, я только через сутки узнал, когда остатки дивизии в тыл отвели. Серега к тому времени уж в госпитале был, вместе со своим экипажем... Так что ты насчет него спросить-то хотел?

Зыкин мысленно улыбнулся: ну вот, сразу бы так!

– Да ничего особенного, в принципе. Вот вы, товарищ полковник, сами сказали, что знаете товарища Сенина не первый год, можно сказать, вторую войну вместе. Как считаете, под Смоленском он лучше стал воевать, чем раньше? Решительнее там или просто как-то... иначе? Необычней? – И, заметив, как удивленно приподнялись брови собеседника, торопливо закончил, не дожидаясь, пока собеседник его перебьет:

– Именно это меня, собственно говоря, и интересует. Почему некоторые наши командиры, в том числе ветераны, успевшие до войны принять участие в боевых действиях, сейчас неожиданно теряются, не могут выполнить задание, а порой и вовсе отступают, теряя личный состав и бросая технику, а другие – совсем наоборот! Вот как товарищ комбриг, к примеру. Крайне важно понять, в чем тут дело. И сделать так, чтобы и другие так же успешно сражались. Да что другие – все!

– Эх ты спросил, лейтенант... – задумчиво протянул Михайлов, похоже, даже не заметив, что перешел на «ты». – Не ко мне вопрос-то. Про такое в генштабе думать должны, у них мозги соответственным образом заточены. А что до Се-реги?

Внезапно нахмурившись, полковник выдержал недолгую паузу:

– Эхм, странно... как-то раньше я об этом и не думал да-

же, а вот ты спросил – и...

«Неужели?! – ахнул про себя Зыкин, всеми силами стараюсь ничем не выдать своего состояния. – Неужели так просто? И Сенин – именно тот, кого мы ищем? Неужто с первого раза сразу в яблочко попали?»

Михайлов меж тем смущенно кашлянул и продолжил, не столько отвечая на поставленный вопрос, сколько размышляя сам с собой:

– Ведь и вправду, изменилось в Сереге что-то. Нет, он и раньше отличным командиром был, всегда в первых рядах, потому и ранения имел, и личный состав его уважал, горой стоял, что называется. В меру осторожный, в меру решительный, людей и технику берег, зря на рожон не пер. Но тогда, под Смоленском? Гм, он ведь собственный план атаки утром изменил, буквально перед самым контрударом. Я еще удивился, с чего бы вдруг, и прошлый нормальным был. Просто не успел поинтересоваться, а после и вовсе все закрутилось, не до того стало. Да и к чему, собственно, коль в итоге все отлично вышло? Немцу мы знатных люлей навесили, город удержать помогли. А вот комбриг-два себя не шибко показал, да. Пришлось Сережке и за него повоевать...

Глава 4

Ретроспектива. Западный берег Луги, ночь с 11 на 12 августа 1941 года

Через мост младший лейтенант Зуев, командир разведгруппы, решил не идти, чтобы не привлекать внимания. В принципе, немцев в пределах видимости наблюдатели за минувшие сутки не засекли, лишь дважды за день пролетали авиаразведчики, которых отгоняли поднятые с аэродрома в Ястребино истребители, но рисковать не стоило. Реку форсировали вброд, в полукилометре от переправы. Место было хитрым, ни на одной карте не сыщешь, знакомое лишь местным жителям, которые про него и сообщили. Знает ли об этом противник, известно не было, да последнее и не имело особого значения: песчаное русло все равно не позволит переправить ни автомобили, ни тем более бронетехнику. Это выше по течению, в районе Кингисеппских порогов, дно галечное, теоретически способное удержать многотонный вес, а здесь – нет. Завязнут, не добравшись даже до середины реки, и бери их тепленькими. Собственно, именно поэтому мост в районе Поречья и представляет такую ценность...

Перебравшись на ту сторону, двинулись лесом вдоль дороги. Поставленная командованием задача была проста: разведать, насколько близко к реке подобрались фашисты. А

главное, убедиться, что гитлеровцы не собираются форсировать Лугу этой ночью. В противном случае надлежало немедленно радировать в штаб – в экстренном случае допускалась передача клером, суть – открытым текстом. Ничего сложного с точки зрения семерых опытных бойцов. Десятикилограммовую рацию пер на спине здоровяк Арчеладзе, по совместительству являвшийся радистом группы. Остальные шли, можно сказать, налегке, поскольку вернуться группа собиралась еще до рассвета, и полной выкладки с собой не брали. Двойной боекомплект, по несколько гранат, фляга с водой, два ножа – как без этого – да распаханные по карманам перевязочные средства на случай ранения.

Несмотря на то, что ночное передвижение по болотистому лесу – весьма сомнительное удовольствие, первые два километра прошли в быстром темпе. После десятиминутного привала двинулись дальше. Прежним порядком: впереди головной дозор из двух бойцов, затем, выдерживая положенную дистанцию, основная группа – и замыкающий. Прорезавшая лесной массив дорога была пустынна – ни немцев, ни наших, лишь однажды протарахтела в сторону переправы старенькая полуторка, по ночной тишине гремющая всеми своими сочленениями, будто танк. Слабый свет единственной фары едва освещал колею, потому шобфер и ехал еле-еле, не рискуя подбавить газу. Поскольку в кузове никого не было, только какие-то накрытые пыльным брезентом ящики, особого значения этому не придали, продолжив путь.

Увы, звук полуночного автомобиля привлек не только советских бойцов. По иронии судьбы идущие к реке диверсанты из группы лейтенанта Реннера, производящие пешую разведку района переправы, тоже изменили маршрут, двинувшись к шоссе. Никаких диверсий этой ночью гитлеровцы производить не планировали, поскольку захватывать мост должны были их товарищи, переодетые в русскую униформу и вооруженные трофейным оружием. Их же задачей было выяснить, как и какими силами охраняется переправа, где расположены огневые точки и не возникнут ли у камрадов неожиданные проблемы. О результатах разведки следовало доложить по радио, после чего скрытно переправиться на ту сторону Луги и дожидаться начала атаки. В случае необходимости группа была готова ударить с тыла, помогая товарищам завладеть переправой. Второй задачей было разведать, заминирован ли мост, и воспрепятствовать его уничтожению. Потому и вышли в рейд в обычной форме и с привычным оружием. Да и язык противника из всех знал только ефрейтор Горбах, введенный в группу на всякий случай. Перед выходом герр Реннер особо подчеркнул, что самое главное в нынешней ситуации – а до атаки на мост оставались считанные часы, – скрытность и противник ни при каких обстоятельствах не должен ничего заподозрить. Запоздай грузовик всего на несколько минут (или наоборот, если бы он проехал немного раньше), разведгруппы просто разошлись бы незамеченными в нескольких сотнях метров друг от дру-

га. Благо передвигаться без единого звука учили их всех, и учили хорошо.

Но судьба распорядилась иначе. И два передовых дозора, советский и гитлеровский, столкнулись буквально лоб в лоб в нескольких десятках метров от дороги. Замешательство не продлилось и пары секунд, и четыре человека, по двое с каждой стороны, схлестнулись в короткой схватке...

Первым опасность заметил рядовой Ивашутин. Отведя в сторону ветку преграждавшего путь куста, буквально в трех метрах от себя разведчик разглядел фигуру врага, боковым зрением тоже заметившего непонятное движение. Взгляды противников на долю секунды встретились. Немец инстинктивно отпрянул назад; Витька, столь же инстинктивно, повторил движение. Стрелять фриц не стал – в его интересах было до последнего сохранять тишину. А вот Ивашутину открывать огонь никто не запрещал: группа находилась на своей территории, и потому выстрел должен был предупредить не только идущих следом товарищей, но и охрану переправы. Впрочем, последнее вряд ли – лес и пройденное расстояние надежно скрадывали любые звуки. Если кто-то из дозорных на мосту и услышит слабое эхо выстрелов, вряд ли придаст этому особое значение...

«Уйдет, сволочь! – молнией сверкнуло в мозгу в следующий миг. – Валить гада, не дать своих предупредить!»

Лицо бойца словно окатило горячей волной выброшенного в кровь адреналина; в ушах кузнечным молотом забу-

хали, все учащаясь, удары подстегнутого опасностью пульса. И Ивашутин, сдавленно выдохнув «атас, Ванька, немцы!», вскинул автомат. Большой палец заученно отключил предохранитель затворной рукояти, заблокированной в заднем, взведенном положении, а указательный – потянул спусковой крючок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.